

Людмила Брагина

Домик у бассейна

*В сто сорок солнц закат пылал,
в июль катилось лето,
была жара,
жара плыла—
на даче было это.*

В. Маяковский

— Тётя Рая со Светой на следующей неделе поедут отдыхать в Кисловодск, а нас попросили приглядеть за дачей,— сообщила мама, вернувшись вечером с работы.

Лида немного расстроилась, но вскоре успокоилась. Ей сначала тоже захотелось поехать в Кисловодск или хотя бы куда-нибудь, но у мамы в этом году отпуск будет только осенью. Потом решила: раз уж на её каникулы никто не покушается, то иногда можно и съездить помочь на даче.

Да и, по правде сказать, на тётиной даче было гораздо интереснее, чем на их с мамой. Во-первых, там был домик. Небольшой, но двухэтажный, из белого кирпича. На первом этаже находилась кухонька, она же и столовая, и гостиная, в углу которой хранился весь необходимый шанцевый инструмент: лопаты, вилы, тяпки и прочий садово-огородный инвентарь. В полу был люк, и если его поднять и осторожно спуститься по деревянной лестнице в тёмный и прохладный погреб, то там для Лиды была главная радость— две дубовых бочки с солёными помидорами и огурцами.

Бабушка квасила их так, как будто исполняла магический ритуал. Подготовка начиналась ещё в конце зимы, когда бабушка проверяла и подтягивала обручи на бочках. Бочки были старые, тёмные, ароматные. Весной она наполняла их водой, и они стояли, набираясь влаги. Когда поспевали помидоры, бабушка высчитывала по луне правильный день, творила молитву и приступала к священнодействию засолки: сливала воду, нагревала на костре чайник и окатывала бочки крутым кипятком. Затем выбирала самые красивые, спелые, мясистые плоды, перекладывала их листьями чёрной смородины, вишни, зонтиками укропа, молодым чесноком и мятой. Чтобы меньше было плесени, сверху посыпала горчичными зёрнами и клала хреновый листик, а потом придавливала круглым деревянным гнётом.

Лида была готова бегать вниз-вверх по шаткой лестнице с эмалированной миской и ложкой— «на пробу»— по несколько раз на дню, а то и вообще не вылезать из погреба. Там, возле бочек, а то иногда и сверху на одной из них, жила лягушка. Пучеглазая, зеленовато-буренькая с коричневыми пятнышками. И тётя, и мама постоянно хватались за сердце и впадали в панику, когда её обнаруживали. Мама вспоминала, как ещё в детстве она от кого-то слышала, что есть такие лягушки, которые вцепляются в лицо ядовитыми зубами, и от их яда нет спасения. Бабушка с весёлыми искорками в глазах неизменно их успокаивала:

— То в Америке такие лягушки, а от наших только бородавки, не бойтесь!

А квакушка никого не боялась, смотрела прямо и весело. Ловила мух и комаров, за что бабушка её хвалила, а Лида осторожно гладила по гладкой, блестящей и нежной спинке и тихонько подбадривала:

— Скоро ты станешь царевной, не грусти тут в темнице, лягушка. Придёт Иван-царевич, поцелует тебя, и ты сбросишь свою шкурку, наденешь платье подвенечное, и поедете в загс. А там для вас сыграют марш Мендельсона, он очень красивый.

И Лида вполголоса напевала мелодию, а будущая царевна внимательно слушала, а иногда звонко и радостно подхватывала.

Через месяц помидоры в бочке становились ярче и прозрачнее, разбухая от брожения внутри кисло-солёного ядрёного сока. При надкусе они взрывались мелкими газированными пузырьками под кожицей. И вкус у них был волшебный.

На втором этаже, под самой крышей, находилась маленькая спальня. Здесь помещались кровать и стол, радующий глаз весёленькой клеёнкой с цветущими ромашками. Но подушки и одеяла на кровати уже давно были насквозь пропитаны пылью, и, сколько их ни выбивай и ни вытряхивай, лежать на них не хотелось.

Любе нравилось обозревать из мансардного окошка все достопримечательности усадебного хозяйства: кучу досок и несколько брёвен для какого-то строительства, небольшой плёночный парник для огурцов, ровные грядки со светло-зелёными кудряшками морковки, острыми пёрышками молодого лука, компактную плантацию

клубники, где под лопухами листьями прятались яркие огоньки сладких ягод, рядочки кустов смородины, малины и ежевики.

Тётя Рая часто ездила в командировки по всей стране, и откуда бы она ни возвращалась, обязательно привозила какие-нибудь саженцы, усики, прутики, корешки и семена новых сортов. С курортов привозились и вовсе экзотические, заморские диковинки. Лида узнавала новые слова и, пробуя на вкус очередной выращенный маминой сестрой артишок, синий картофель или огурдню, каждый раз загадывала новое желание.

На семи сотках развернуться мичуринским планам тёти было очень трудно, поэтому весной она давала волю своему творческому началу: заранее договаривалась с соседями—уж неизвестно, по какому курсу они обменивались веточками понравившихся сортов,—и делала прививки. Так, у неё на простенькой сливе-угорке вызревали фиолетово-синие, красные и жёлтые сочные и сладкие плоды, на яблонях желтели и наливались соком груши, а на алыче красовались бархатными бочками золотистые абрикосы. Ухаживала она за ними трепетно, каждый раз заботливо обсматривая каждый кустик, каждое деревце, как первоклассника перед отправкой в школу.

Путь от остановки до дачи представлял собой спуск с одного склона оврага и подъём на другой. В низине журчал небольшой, обложенный камнями источник. Возле него всегда собирались дачники—отдохнуть, поговорить и набрать в бутылки и прочие ёмкости вкусную студёную воду. За полчаса дороги и остановки у родника тётя Рая успевала обсудить с владельцами других участков все заводские новости, тонкости ухода за своими зелёными любимцами, попробовать урожай, принять приглашение и потом заглянуть в гости.

Если они приезжали вдвоём со Светой, то возвращались в город уже на последнем автобусе, в летних сумерках. К растениям сестра Лиды относилась гораздо спокойнее. Её увлекали общение и внимание, особенно со стороны сильной половины дачного сообщества. Но и сама Света обожала кокетничать и производить театральные эффекты.

В зависимости от настроения и погоды, она придумывала себе роли и проигрывала их, испытывая соседей—сварщиков, литейщиков и сталеваров—на прочность. Она являлась перед ними то в романтическом образе барышни-крестьянки, прогуливаясь в лёгком ситцевом сарафанчике и соломенной шляпе, с букетом полевых цветов, которые собирала по дороге, то в хэбэшном камуфляжном костюме, чёрных ботинках, с кроваво-алой помадой на губах и пристрелянным взглядом милитаристки. Голова у неё была гордо поднята, спина выпрямлена, достоинства—хоть отбавляй, и когда она начинала что-то говорить,

просто, доверительно и непринуждённо, это воспринималось как милость королевской особы.

Парни-работяги шалели, тарасились, чувствуя себя избранными, и наперебой угощали её дарами садов и огородов, выращенными их крепкими, трудовыми руками. Света на глазах у них томно надкусывала яблоко или сливу и благодарила заботливых мичуринцев за угощение самой искренней улыбкой.

Сестра была старше на восемь лет, но Лида помнила, как бурно они ругались и даже дрались в детстве. Уже будучи девушкой на выданье, она могла сколько угодно строить глазки, шутить и улыбаться, но Лида знала, как выглядит скандал в Светкином исполнении, и не желала никому из её доверчивых ухажёров стать участниками этой греческой трагедии.

В субботу мама разбудила Лиду пораньше:—Пока не жарко, быстренько позавтракаем и поедем, там сегодня поливочный день!

Лида, спросонья ещё не разобрав, куда они поедут, радостно побежала умываться, и только выйдя из ванной, сообразила, что на тётину дачу.

В семь они уже стояли на остановке. Людей было ещё немного, утро золотилось первыми лучами, и настроение у обеих было бодрое. Ехать предстояло сначала в центр города до стадиона, потом нужно было спуститься в подземный переход и перейти через дорогу, пройти один квартал вниз, повернуть на другую улицу и уже там ждать дачного автобуса, который ходил по времени. Если ничего не нарушалось в этом алгоритме, то они добирались до участка за полтора часа, а если забежать в магазин и купить что-то поесть, то и больше. На этот раз мама ещё с вечера сварила пару яиц, положила в сумку четвертушку чёрного хлеба, а всё остальное добудем на грядке, сказала она. Лиде было поручено нести небольшое пластмассовое ведёрко и фляжку для воды.

Автобус подъехал уже заполненный, но народ на остановке оголтело ринулся к дверям. На некоторых пригородных маршрутах Лида видела аккуратные очереди, где люди спокойно дожидаются, а потом заходят и рассаживаются в салоне. Но здесь всегда царили нездоровый ажиотаж и неразбериха. Ещё пять минут назад они были женщинами и мужчинами, дедушками и бабушками, но как только перед ними распахивались двери автобуса, сразу превращались в оголтелую толпу, безудержно рвущуюся вперёд, как будто за дверями был рай или коммунизм.

Ехать пришлось стоя, было душно, жарко, Лида попросила рядом стоящего мужчину открыть люк. Но как только в переполненный автобус проникла струйка живительного воздуха, со всех концов раздалась истошные крики сидящих старух:—Закройте, сквозняк! Ребёнка продует! Застудил нас насмерть!

Им отвечали рассерженные пассажиры помо-
ложе:

— Невозможно ж ехать в такой душегубке! Тулуп
с собой возите, если вам холодно!

Одна бабка послала своего великовозрастно-
го, провонявшегося насквозь табаком «ребёнка»
закрыть опасный для её жизни люк, и пока тот
продирался к нему по проходу, ему оторвали
карман брюк, двинули, как бы случайно, локтем
по рёбрам— ну да чего не бывает в такой давке.

Уже почти у цели ему загородил проход муж-
чина, тот, что тут открывал:

— Ты чё тут руки тянешь? Пошёл отсюда!

«Закрыватель» зло огрызнулся и попытался
сдвинуть его плечом:

— А ты здесь чего хозяина строишь?

Снова завязалась склока с небольшой потасов-
кой, взбудоражившая бóльшую половину пасса-
жиров, которые напрочь отказывались следовать
поговорке «в тесноте, да не в обиде». Хотя, конечно,
полноценно подраться не получилось именно
из-за тесноты. Так и не выполнив бабкин наказ,
великовозрастное дитя позорно полезло назад,
ожесточённо толкаясь и наступая на ноги.

Когда Лида с мамой вышли из автобуса, то
обе были потные, помятые и сильно уставшие.
Спускаясь вниз, мама долго не могла успокоиться:
— Как из сумасшедшего дома вырвались! Неужели
нельзя как-то мирно договариваться? И что за
люди такие?

Посмотрела на Лиду и ахнула:

— А где же ведёрко?!

В руке Лида сжимала одну ручку, а ведро ото-
рвалось и осталось в уехавшем автобусе.

— Ну, хоть фляжка осталась, и то хорошо. А ведро
там найдём.

Уродника остановились, Лида отвинтила крыш-
ку алюминиевой фляжки, присела на корточки и
подставила горлышко под журчащую серебристую
струйку. Пока набирала, почувствовала, как пере-
сохли губы и рот, а язык приклеился к нёбу. Она
поднесла фляжку к губам и наслаждалась вкусной,
ледяной ключевой водой, пока не заломило зубы.
— Не спеши, не глотай сразу, во рту поддержи,
пей маленькими глоточками!— беспокоилась и
суетилась мама.— Ты же простудишься! Ну-ка
отдай сюда!

Лида протянула ей фляжку, а сама подставила
под желобок ладони, набрала пригоршню воды и
подбросила вверх! Капельки ярко заискрились на
солнце и пролились им на лица весёлым, коротким,
бодрящим дождиком.

Подъём был довольно крутым. Справа и слева
на небольших зелёных делянках уже трудились их
счастливые владельцы, приехавшие ещё раньше
на собственном транспорте или оставшиеся с
пятницы с ночёвкой. Где-то вдалеке приглушённо
раздавался короткий визг бензопилы, в утреннем

мареве струился тонкий сиреневый дымок— пред-
вестник шашлыков, у кого-то из приёмника заду-
шевно и сладкоголосо пел Юрий Антонов: «Море,
море, мир бездонный, пенный шелест волн при-
брежных. Над тобой встают, как зори, нашей
юности надежды...» Сердце у Лиды подхватило
мотив и щемяще заныло.

— Надо лучок прополоть, а то пырей его задушит;
клубничка вон ушки повесила, надо собрать ягоды
и полить; пойди посмотри, поспела ли смородинка
и крыжовничек, проверь...— как из рога изобилия
посыпались пункты плана «приглядеть за дачей».

Через пару часов Лида выдохлась и присела на
брёвнышко.

— Устала?— крикнула с другого конца участка ма-
ма.— Возьми в домике табуретку или там посиди!
Отдохнёшь— будем помидорчики подвязывать!

В домике было душновато, пыльно и пахло
мышиным помётом. Можно было, конечно, вы-
мыть полы и окна, выбить подушки и вытряхнуть
покрывала, распахнуть настежь двери, но прямо
сейчас сил на это не было. Поэтому Лида кивнула,
продолжая сидеть на месте и размышлять на свою
любимую и неисчерпаемую тему, в которой хотела
разобраться,— странностей устройства жизни.

Как-то по телевизору показали передачу о дачах,
где жили разные знаменитые писатели. Ведущий
рассказывал, что даже само слово «дача»— древнее,
русское и непереводаемое на другие языки. Ещё в
семнадцатом веке государство давало именитым
людям, в основном и так не бедным, участки земли
недалеко от города.

Умногих русских классиков встречается какое-
нибудь да упоминание: у Пушкина «гости съез-
жались на дачу», у Куприна выкрашенный в цвет
надежды «маленький уютный зелёный домик в
пять комнат, с большой террасой и чудесными
тополями вокруг», у Достоевского дача Лебедева
«была небольшая, но удобная и даже красивая»,
а «дача Епанчиных была роскошная, во вкусе
швейцарской хижины, изящно убранная со всех
сторон цветами и листьями».

«А тут даже лавочки обычной нет»,— печально
вздохнула Лида.

А как увлекательно-заманчиво проводят жизнь
на дачах чеховские персонажи! Да и у самого
любимого и уважаемого ею писателя было три
дачи. Однако в Мелихово он не только писал рас-
сказы и пьесы, но принимал и лечил там крестьян,
да ещё и бесплатно. Вот какой действительно
достойный человек!

Но то давно было, при царизме. А сейчас пока-
зывают эти двухэтажные красивые дома зна-
менитых и не очень ныне живущих писателей,
которыми наделило их советское государство, и
Лиде грустно. Потому что многих из них читать
можно только под страхом расстрела. А попытка
переложить в голове прочитанное на окружающую

реальность вызывает у неё внутренний конфликт и отторжение.

Дачные прелести и развлечения знакомы ей с пяти лет. Она помнит тот странный вечер и долгие взволнованные мамины и бабушкины разговоры на кухне, в которые она не вслушивалась. Лида знала, что завтра выходной, она ждала его и очень хотела уговорить маму пойти в парк, на любимую карусель с лошадами и оленями, потом вместе подойти и посмотреть поближе на колесо обозрения, на котором кататься ей пока не разрешали, а ещё попросить купить вкусную сахарную вату или красный леденцовый петушок на деревянной палочке...

Вместо этого они с мамой и бабушкой утром сели в автобус и ехали куда-то так долго, что Лиду укачало и она уснула. А потом, когда мама разбудила её и они вышли, то оказались в незнакомом месте, где все дома были низенькие, маленькие, в два-три окошка. За заборами кое-где лаяли собаки. Они шли по серой асфальтовой дороге. Потом дорога кончилась, и дома кончились, и началась тропинка, а вокруг — зелёный-презелёный луг и чистое небо. Лида никогда не видела столько неба, столько простора, ей захотелось полететь легко, как пушинка. Она однажды летала во сне, и это было так приятно. А если попробовать разбежаться, оттолкнуться — вдруг получится?.. — Дай руку, а то ты на дорожку совсем не смотришь, споткнёшься и упадёшь. Скоро уже придём, — мама переложила в другую руку что-то длинное, завёрнутое в мешок и завязанное верёвкой.

Они двинулись по тропинке между высокой травой и зарослями кустарников. Следом поспешала бабушка короткими и быстрыми шагами, и Лиде казалось, что сади шуршит ёжик.

Они сошли с тропинки и прошли ещё немного, осторожно ступая по каким-то колючкам, оглядываясь по сторонам и что-то высматривая на земле. — Кажется, здесь, — сказала мама и показала на вбитый в землю колышек с деревянной табличкой, на которой что-то было написано.

От него тянулась тонкая верёвка к другому колышку подальше. — Ждали, ждали и дождались... И за то спасибо, что ровненько. Господи, помоги в час добрый!

Бабушка перекрестилась, поставила на землю сумки, развязала поклажу и постелила на траву два освободившихся мешка.

— Садись, Лидуся, отдохнём и начнём хозяйничать. Это всё теперь наше.

— Что наше? — Лида смотрела по сторонам, растерянно моргала глазами и не понимала.

— Дача. Дали нам земличку. А это — ценный инструмент, которым мы будем её обрабатывать. Вот это — лопата...

— У меня такая же была, только маленькая, я ею песочек копала и в ведро насыпала.

— Ты ж моя умничка! И тут будешь копать и нам помогать! — заулыбалась бабушка и продолжила знакомить внучку с орудиями труда: — Вот это — тяпка, ею травку пропальвают. А это топор.

Лида сразу вспомнила песенку из любимого мультика про бременских музыкантов, оживилась и развеселилась:

— Ба, мы будем разбойниками? Вот здорово!

— Да что ты такое говоришь? Почему?

— Ну как почему? «Работники ножа и топора» — ты разве не знаешь? — и, стараясь, чтобы было похоже, затянула с надрывом: — «Пусть нету ни кола и ни двора...»

Подошла мама и, глядя на бабушку, покачала головой:

— Мы сюда что, песни петь приехали? Работа сама себя не сделает.

— Так мы работу с песни и начали! Под песню и работать веселее. Лидочка, можешь походить, наши уголья посмотреть, только за верёвочку не выходи, а мы тем временем делом займёмся.

Бабушка с мамой взяли инструменты и стали осваивать целину.

Лида побродила по участку, цветов особо никаких не нашла, обнаружила несколько высоких тёмно-зелёных кустиков с нарядными, бархатистыми, острыми листьями. Она протянула к ним руку и тут же почувствовала резкую боль, как от ожога.

— Ай, меня кто-то укусил! — заплакала Лида.

Бабушка бросила лопату, подбежала и сразу всё поняла:

— Ой, да чего ж ты её трогала? Это ж крапива!

Она плеснула из бутылочки холодной водой на Лидину ладошку и подула:

— Не плачь, моё сердечко, скоро пройдёт! А мы из этой кусаки суп сварим!

Лида села на мешки и стала смотреть, как бабушка с усилием вгоняет ногой лопату в землю, потом поддевает и переворачивает ком земли, из которого торчат стебельки и корешки растений. Она наклоняется, выбирает их и выкидывает подальше в кучу. Мама, в белой косынке, склонилась и тяпкой рубит и рубит траву, но её всё равно вокруг целое море.

Лида услышала тоненький писк и почувствовала, как ей на щеку сел комар. Она хлопнула себя по лицу. Покружившись и попищав, комар перелетел на коленку. И только Лида прицелилась, подведя к щеке ладонь, чтобы его пристукнуть, как такое же серое и противное насекомое укусило её за плечо, которое сразу зачесалось.

Лида сидела нахохленная, сердитая, про неё как будто все забыли.

— Ма-ам, а когда же мы домой пойдём?

— А что такое, Лидочка?

— Не нравиться мне эта дача. Я домой хочу.

— Не капризничай. Видишь, сколько нужно ещё сделать? Мы же только начали.

— Так мы весь день до вечера тут будем! Дай мне тяпку, я вам сейчас эту траву всю...

Лида решительно вскочила, выхватила у мамы тяпку, размахнулась и со всего маху рубанула себе по ступне чуть выше пальцев.

Сначала было немного больно, а потом горячо. Мамино лицо побелело, и она смотрела на дочь с таким ужасом в глазах, какого Лида раньше никогда не видела. Она чувствовала, как из рубленой ранки бежит кровь, и вскоре её набралась полная туфелька.

— Ой ты ж, горе моё, да что ж это за наказание! — бабушка в одну секунду сорвала какой-то листик, промыла водой и подбежала к Лиде. — Давай ножку сюда! Сейчас подорожник всё полечит!

Повернулась к маме:

— А ты что стоишь? Дай чем замотать рану.

И мама отживела, мигом стащила с головы косынку и оторвала несколько полосок, которыми забинтовали пострадавшую ногу.

— Посидите пока вдвоём, а я закопаю инструмент. Надо поглубже вырыть канавку и хорошо присыпать, а то доброму вору всё впору. Вот что в голове было — ребёнку тяпку доверить? Как ты ей топор не дала?!

А Лида сидела на коленях у мамы, прижавшись лицом к родному плечу, и ей было жалко-жалко, что она так сильно из-за неё испугалась, а бабушка её ещё и ругает.

Нога со временем зажила, но Лиду пока не брали на дачу, оставляли на выходных с тётей и сестрой. Всю осень и зиму мама с бабушкой запасались семенами, обсуждали, что и где они посадят.

После снежной зимы наступила затяжная весна, снег таял медленно, и земля благодарно напитывалась живительной влагой. А в конце апреля установились сухие, солнечные дни, и земля прогрелась. И бабушка сказала:

— Теперь пора! В выходные все вместе поедem сажать картошку.

Оглядев личный состав, бабушка пошутила:

— Женский батальон прибыл!

И начала раздавать «оружие» и показывать «плацдарм». Работа нашлась всем: бабушка размечала каждую грядку верёвочкой и двумя колышками, мама с тётей копали, Светка ножиком резала картошку, а Лиде дали маленькую железную кружку, которой она черпала из большого ведра золу и высыпала в лунку. Она старалась никого не задерживать, быстро набирала кружку, высыпала и снова бежала, даже вспотела от усердия. Бабушка подошла и тихонько её поправила:

— Надо ниже наклоняться и сыпать на картошечку аккуратно, а то мы уже все как золушки, и не видеть нам принцев никогда!

Лида потёрла лоб ладошкой и вздохнула: «Принцев надо искать на балу. Зачем мы на дачу приехали?..»

Совсем скоро картошка проклюнулась светлыми ушастыми росточками, а ещё через время превратилась в крепенькие зелёные кустики. Лида ходила между рядочками и радовалась, что тоже участвует в таком интересном деле. Бабушка с мамой сказали, что для хорошего урожая всходы нужно окучить. Они взяли тяпки и стали нагребать невысокие аккуратные холмики вокруг кустов. А её усадили ждать на расстеленное поверх кучи высохшей травы покрывало. Лида сидела и не могла ничем заняться, с тревогой смотрела на равномерные взмахи их рук и боялась, чтобы ни мама, ни бабушка не поранились, как она прошлым летом. И когда они закончили работу и подошли к ней выпить воды, она почувствовала, что тоже очень устала.

В следующий их приезд Лида первая обнаружила, что вместо красивых ветвистых растений на грядке кое-где торчат обгрызенные кочерыжки, а на других кустах сидят пузатые полосатые жуки и жирные красные личинки.

— Ой, Боже, у нас даже в войну такого не было! — запримечала бабушка, взявшись за голову. — Что ж это за нападение?.. Прямо полчища их здесь! Пешком ходят!

Мама поставила сумки и побежала по меже к соседям. У них была паника и такие же «гости», которые безостановочно вгрызались в картофельную ботву и пожирали листик за листиком буквально на глазах.

— Всё, останутся теперь рожки да ножки от нашей картошки! И до нас добрался колорадос! — предрёк ещё один подошедший сосед. — Это такая американская гадость, для картошки хуже саранчи! Я читал, что его ни мороз не берёт, ни яды, только огонь!

Мама вернулась расстроенная и потерянным голосом рассказала, что увидела и услышала. Бабушка тут же всплеснула руками:

— Ну, я так и знала, что это американские жуки! Никогда от них ничего хорошего никому не было! Ох, чтоб они к ним назад вернулись!

И бабушка схватила сумку, вытащила из неё газету и стала рвать её на куски. Потом каждый накрутила на руку, свернула конусом, и получилось три кульки.

— Сначала жуков собираем, а потом вся другая работа. Надо спасти картошку от этих супостатов!

Лида скривилась:

— Я боюсь их. Они противные.

— Ещё какие противные! Мы для этой картошечки сколько старались: сажали, пололи, окучивали! Она, бедная, к солнышку тянется, а они ей все веточки пообгрызали!

Мама наклонила макушку кустика и встряхнула над кулёчком:

— Можно и вот так, Лидочка. Соберём жуков, и будет у нас картошечка расти и радоваться.

Лида тихо кивнула и, сжав зубы, пошла вдоль рядочка, наклоняясь к каждому кустику. Когда кулёк наполнился копошащимися пёстрыми насекомыми, молча отдала бабушке.

Спустя десять лет Лида не может вспомнить ни одного случая, из которого можно было бы сказать: «приехали на дачу отдохнуть». Всегда одно и то же: рук не хватает, расслаживаться некогда, всё важно, срочно и одновременно. Ну и бегом назад, чтобы не опоздать на автобус! Да и какая это дача: грядки огурцов, помидоров, свёклы, моркови, картошки, кабачков, гороха, фасоли и кукурузы, вперемешку с деревьями и кустами, — только и остаётся прыгать между ними пушкинской белкой и петь тоненьким голосочком: «Во саду ли, в огороде...»

Однажды в магазине «Спорттовары» Лида увидела белый верёвочный гамак и с восторгом повернулась к маме:

— Давай купим! Это же идеальная вещь для дачи!

Мама непонимающе уставилась на гамак:

— Зачем он нам?

— Как зачем? Сидеть, лежать, качаться! Вы с бабушкой постоянно устаёте, столько раз говорили: то спина болит, то поясница не разгибается, — а в гамаке можно полежать, отдохнуть на свежем воздухе! — Если на дачу приезжать лежать, над нами весь завод смеяться будет. На даче трудиться надо, а лежать дома.

Потом про «новую идею» мама рассказала бабушке, и они ещё долго посмеивались и пожимали плечами, искренне удивляясь, как такое могло прийти в Лидину голову.

Со временем у Лиды появилась ещё одна задумка, даже больше — заветная мечта, о которой она никому не говорила, наученная первым неудачным опытом с гамаком. Она терпеливо ждала своего часа, чтобы осуществить, казалось бы, утопическую и недостижимую мечту. И вот сегодня, упахавшись в жаркий день на грядках и переводя дух на брёвнышке, Лида вдруг почувствовала, что именно здесь и сейчас пришло время воплотить её в жизнь.

На даче должен быть бассейн.

Его необходимость была очевидной и очень заманчивой.

Лида ослепительно-ярко представляла, какой прекрасной была бы тогда жизнь.

Вот ранним утром она выскакивает из сонного домика, бежит босиком по росистой дорожке, с разбега прыгает в бассейн, фыркая от удовольствия и свежести брызг, потом растирается махровым полотенцем, набираясь сил и бодрости на весь день.

В полдень, ударно потрудившись, неспешно окунается в прогретую воду, чтобы смыть пыль, пот и усталость.

Вечером умиротворённо и безмятежно она плещется в оранжевых тёплых лучах закатного солнца, льющихся сквозь кроны деревьев, среди текучих прозрачных теней постепенно расслабляясь и готовясь к сну.

А ночью можно будет подойти к маленькому окошку и любоваться отражением месяца и звёзд в тёмном водяном зеркальце.

А когда её на даче не будет, всей этой роскошью смогут наслаждаться тётя Рая и Светка.

Выстроить на шести сотках воздушный замок было более реальной задачей, чем бассейн. Но Лида, как истинный Водолей, а в душе определённо русалка, что называется, поймала волну, и перед ней открылся ясный и прямой путь. Она встала, крикнула маме:

— Сейчас приду! — и вышла за калитку.

Пройдя несколько участков по узкой дачной улочке, она остановилась возле невысокого, но добротного заборчика, выкрашенного в одуванчиково-жёлтый цвет, приподнялась на цыпочки и заглянула, чтобы узнать, тут ли хозяева.

Прямо перед ней внезапно выросла фигура крепкого парня в выцветшей на солнце тельняшке: — А кто тут зырит, что потырить?

Лида от неожиданности ойкнула и попятилась назад.

— Лида, привет! Ты чего так пугаешься, правда, что ли? — на его скуластом загорелом лице блестели глаза, зубы и пот на лбу. — Заходи, — он распахнул калитку, — посмотришь, чё я тут развёл на шестнадцати аршинах. Сейчас, только фэйс сполосну.

Он подошёл к металлическому рукомоинику, который был прикручен проволокой к стволу дерева. Сосед нажал на носик аппарата, и вода тонкой струйкой потекла в его широкие мозолистые ладони, сложенные лодочкой. Он плеснул холоднячку себе в разгорячённое лицо и за шею, а потом вытерся чистым вафельным полотенцем.

У Лиды на даче тоже был рукомоиник, только синий, пластмассовый. Они с бабушкой купили его в хозяйственном магазине. Но этот так весело сиял, бликуя от лучей, особенно круглая пимпочка на крышке, что напомнил Лиде весёлого румяного человечка в шапке с помпоном. Ей захотелось улынуться ему в ответ.

Хозяин заметил это и похвастался:

— Сам сварил в цеху!

Полюбовавшись на произведение мастера и сделав комплимент его золотым рукам, Лида решила перейти сразу к делу.

— Серёжа, я к тебе по очень важному делу.

— Давай садись вот сюда, рассказывай.

Они подошли к небольшому домику, где на террасе стояли плетённый из лозы круглый столик и два таких же кресла.

— Ну, во-первых, тебе привет от Светочки.

Лида знала, что Сергей всегда с особой симпатией относился к её сестре, и несколько раз видел, как он помогал ей донести до автобуса сумки или ведра. А когда был за рулём своего мощного, блестящего зелёного «Урала» — подвозил. Посадив в коляску и заботливо укрыв брезентовым тентом тётю Раю, он давал Свете второй шлем и, не сводя с неё блестящих глаз, решительно и весело командовал: «Держись за меня крепче!»

Вот и сейчас он сразу он начал жмуриться, как кот на солнышке, а Лида вдохновенно продолжила: — Тёте Рае дали путёвку в санаторий, и Светочка поехала её сопровождать в Kisловодск.

Серёгино лицо накрыло тенью набежавшего облачка.

— Но они скоро вернуться, отдохнувшие, поздравившие, загоревшие...

Солнышко снова выглянуло.

— Путёвку им дали горящую, прямо очень срочно нужно было ехать, Светочка так хотела сама зайти...

Парень по-щенячьи склонил коротко стриженую голову набок:

— Прощаться?

— Да, конечно! Так расстроилась, что не получилось! А ещё просила помочь им на даче.

— Не проблема. Что нужно?

— Очень даже проблема. Это ты на русского богатыря похож, а Светочка, как тростинка, тонкая, хрупкая, да и тётя Рая тоже вот приболела. Вырыть небольшую яму надо. Я покажу где. Светлана будет очень, очень благодарна!

Лида до глубины души прониклась своим вымыслом. Она порывисто прижала ладошки к груди, с восторгом глядя соседу прямо в глаза.

— Сейчас прикину, чтобы всё у нас срослось, — Серёга потёр рукой подбородок и уверенно кивнул: — Через час.

— Сегодня?! Класс! А точно получится?

— Сказал — как сваркой отрезал! Готовьте лопату.

Ликующая Лида прибежала на участок и, стараясь придать себе самый спокойный вид, подошла к маме.

— Встретила Светкиного Сергея, того, что на мотоцикле ездит, — Лида махнула рукой в сторону, где только что была. — Он сказал, что через час зайдёт. Тётя Рая вроде просила его какую-то яму тут выкопать.

— А что ж она мне ничего не сказала? Какую яму?

— Не успела, наверное, замоталась. Им виднее, какую яму. Потом спросишь, как приедут. Главное, что мы тут. Что нам ещё осталось сделать? — Давай помидорчики подвяжем, их тут хоть и немного, но одной неудобно. Вот тебе колышки, втыкай в землю, только, смотри, подальше от корешков, чтоб не повредить. А я буду верёвочки стволы подвязывать.

Как только они закончили и мама ушла за чем-то в домик, Лида быстро схватила четыре колышка и, сверившись со своими идеальными размерами, давно просчитанными в её воображении, воткнула их по четырём углам будущего бассейна, чуть левее от входа. И тут появился Сергей: в лихо повязанной на голове бандане, с голым торсом и со своей сверкающей наточенными острыми краями лопатой.

Лиде сразу представилось, как он, в чёрной кожаной жилетке, наклонившись вперёд, крепко сжимает коленями стальные бока своего байка, его правая ладонь уверенно лежит на рукоятки газа, легко придерживая лапку тормоза одним пальцем, и его стальной конь послушен малейшему движению хозяина...

— Ну, генподрядчик, показывай, где чего копать, — улыбаясь и красуясь рельефными мускулами, вызвался ничего не подозревающий «исполнитель».

Лида про себя тихонечко усмехнулась.

— Вот здесь, Серёжа, и без тебя никак...

И она показала на огороженный колышками прямоугольный кусок земли.

Сергей присвистнул и выгарашил на неё серые глаза, отчего «Харлей-Дэвидсон» под ним в один миг преобразовался в печку, а сам он стал похож на сказочного Емелю.

— Да тут три на четыре! Как фотка на пропуске, только в метрах! А глубина какая?

— А глубина постепенная, чтобы на том конце мне по плечи было.

— Я не понял: это что, братская могила?

— Нет, Серёжа, это будет бассейн. Можно будет поработать и отдохнуть, поплавать. А вот тут, — плавно обведя рукой площадку рядышком, показала Лида, — расстелить большой плед и позагорать... Серёга коротко выдохнул, поплевал на ладони и с силой вогнал лопату на штык в землю.

Через пару часов он весь взмок, покраснел и пыхтел, но упорно продолжал углублять прямоугольник, вгрызаясь в землю с настойчивостью роты стройбата. С двух сторон ямы уже возвышались аккуратные, довольно высокие холмики земли. Время от времени Сергей останавливался, прищурился, а потом выверенными движениями быстро срезал лезвием лопаты неровности грунта, ровняя края стен ямы как по линейке. Мама глядела на него попеременно с ужасом и одобрительным интересом. Но то ли его уверенный вид, то ли полнейшая Лидина безмятежность успокаивали её, не давая впасть в панику.

— Ты смотри, какой парень трудяга, у нас на участке даже «химики» так не впахивали, — тихонько проговорила мама. — Роет как целая бригада.

Серёга рассмеялся, чем окончательно смутил маму, лихо подмигнул и выдал:

— Два солдата из стройбата заменяют экскаватор. А ракетных войск солдат заменяет весь стройбат!

А вот Лида задумалась. Глядя, как выкладываются по полной Сергей, и представляя, как завтра он будет отходить от этих трудовых подвигов на заводе, ей стало совестно предлагать ему приступить к следующему этапу воплощения своей мечты. Она перебирала в памяти всех Светкиных ухажёров, прикидывая, кому из них можно предложить вкопать по углам четыре толстых бревна, высотой в Лидин рост.

И тут ей вспомнились слова тётки Раи: «Петро—парень видный, хваткий, безубыточный». А следом возникло круглое лицо с хитроватыми карими глазами, глядящими чуть исподлобья, и широкий разворот плеч. Хотя слышалась в тётиним голосе какая-то едва уловимая нотка иронии, но Лиде некогда было разбираться в интонациях—время не ждёт. Прикинув, что Сергей будет копать ещё не меньше часа, она взяла охапку травы и сухих веток и под видом похода к оврагу тихонько и незаметно ускользнула на улицу.

По пути где-то бросила свою ношу и ускорила шаг. «Только бы он сегодня был, только бы застать его»,—твердила Лида, выискивая глазами его небольшой щитовой домик с новой зелёной черепичной крышей.

У входа возле калитки росли яркие розовые мальвы и стояло старое погнутое ведро без дужки, с трафаретной надписью чёрной краской: «Для битого стекла».

Во дворе, под большим навесом, у верстака, заставленного баночками и коробочками с гвоздями и шурупами, болтами и гайками, свёрлами и метчиками, стоял хозяин, зажимая какую-то железяку в тиски.

Вокруг расхаживало целое стадо разнопёрых кур: белые, золотисто-рыжие, пёстрые. Все они квохтали, деловито поводя зубчатыми красными грешками, и греблись в землю, выискивая мелкие камешки и червяков.

— Здравствуйте, Пётр,—осторожно начала Лида. — Здрасьте,—без улыбки вопросительно шевельнул густыми чёрными бровями владелец «фазенды».

— Я к вам с поручением, от Светочки. Она моя двоюродная сестра, а меня Лида зовут. Какие у вас куры красивые, справные, как моя бабушка говорит. — Потому и справные, что жрут, как нанятые, без продыху. Хорошо ещё не повёлся—уток не завёл, мне тут один всё расписывал: выгодно, выгодно,—те проглоты вообще всё подряд метелят. А что за поручение у тебя?

— Так они и яйца несут не такие, как в магазине, а домашние, вкусные, с оранжевыми желточками. — За это спорить не стану, вкусные и для здоровья полезные. Я их по утрам сырыми пить люблю, особенно если с похмела—хорошо идут. А скорлупой смородину, да помидоры, да огурцы подкармливаю, тоже ничего так, зеленеют. Если вы яиц хотели,

так мне собрать надо пару-тройку дней, а то вчера соседям напротив последние продал.

Лида посматривала на ухоженные, словно разлинованные, грядки, на узкие дорожки между ними, похожие на ровные проборчики, на которых ни травинки, ни соринки, и думала сразу о нескольких вещах одновременно: какие разные парни всё-таки нравятся её сестре,—или, если наоборот, как она ухитряется нравиться таким разным? И как же его заманить к ним на дачу? — У вас тут кругом чистота, порядок. А куда же вы деваете мусор?

Лёгкая самодовольная улыбка проскользнула по лицу, но тут же сменилась на озабоченное, сосредоточенное выражение.

— Всё, что гниёт,—в компост, а всё, что горит,—в печку. Стёкла—в ведро, там, на входе, стоит, и вот пока не знаю, надо что-то с ними придумать. — А у нас одни женщины в семье остались,—Лида глубоко вздохнула.— Меня отец бросил, у Светочки в прошлом году умер, тётка Рая болеет, поехали они в санаторий подлечиться. Мы с мамой будем тут пока на хозяйстве. Так тяжело, когда нет крепкого хозяина. «Бедная баба из сил выбивается, столб насекомых над ней колыхается, жалит, щекочет, жужжит!» Помогите нам, Петя!

Парень оторопело вытаращился на Лиду: — Ты чё, перегрелась, что стихами заговорила? — Ничего не перегрелась, это Некрасов так писал: «В полном разгаре страда деревенская... Доля ты!—русская долюшка женская! Вряд ли труднее сыскать». Мы в школе проходили. Ещё—«Кому на Руси жить хорошо».

— Мы и без Некрасова знаем кому, телевизор смотрим.

— Петя, мы вас очень просим! Четыре брёвнышка вкопать нужно, и всё. А Светочка придет—отблагодарит по-соседски!

Пётр скептически хмыкнул.

— Да помочь—оно можно, конечно. Только тут у самого работы непочатый край, а времени в обрез! Вот дом, к примеру, взять. Ты не смотри что он снаружи такой. А внутри знаешь сколько ещё отделки? А где деньги брать? Сейчас зима придёт, куда я это дену, скажи?—он ткнул пальцем на верстак и кучу каких-то деревянных и железных заготовок.—Курам в столовой объедки собираю, таскаю, а они жрут, окаянные, как перед пропастью! — Пётр, да разве вы мало зарабатываете?

— Чтобы там нормально зарабатывать, нужно хотя бы пятый разряд получить, а ещё лучше шестой. Мне платят четыре с полтиной за сутки, и то это если план выполняю. А токаря шестого разряда получают шесть рублей! Они все уже пенсионеры, а им и доплаты, и разряды. А на фигу этим старпёрам это теперь? Тут пашешь как вол—и всё как в прорву: ни построиться, ни жениться... Слушай, Лид, а тётка твоя, она же

в тарифно-квалификационной комиссии, но к ней и на кривой козе не подъедешь, такая строгая.

Лиза обрадованно замотала головой.

— Она не строгая, она справедливая! И рабочих уважает, особенно квалифицированных! Они с мамой ещё в школе мечтали стать крановщицами, чтобы помогать, чтобы облегчить труд рабочих, но у мамы мечта сбылась, а тётю родители заставили в институт поступать. Но она всё равно очень любит трудовых людей!

— Любит, говоришь? — Петя что-то ещё быстренько покумекал, потом решительно махнул рукой: — Ну, пойдём!

— Как, прямо сейчас?

— А чего тянуть? Сейчас, только курей в сарай загоню, и веди!

Лида вспомнила Серёгу с его лопатой, испугалась и залепетала:

— Нет, нет, никак нельзя, мы сейчас с мамой уже домой едем...

— Ладно. Тогда завтра в восемь буду.

Утром они встретились снова.

— Вообще-то в воскресенье работать грех, — первое, что заявил Пётр, явившись ровно в восемь.

Мама вопросительно повернулась к нему.

— Ни Бог, ни партия не требуют, — продолжал он, цепко осматривая взглядом судебного пристава каждый квадратный метр участка, будто пришёл описывать его за долги.

— А наша бабушка говорит, что Бог тружеников любит.

— А по трудовому кодексу работа в выходные и праздничные дни оплачивается вдвойне.

— И правильно! Вы это с тётей Раей и Светочкой обязательно обсудите потом в деталях. Вот эти брёвнышки, смотрите!

Брёвна были сухие, два метровых и два по полметра метра. Пётр тяжело вздохнул, выбрал поменьше и, кряхтя, проволочил по земле к яме. Потом лопатой отбил круг, вырыл в углу ямы небольшое квадратное углубление, опустил вниз бревно и собрался закапывать.

Тут совершенно неожиданно вмешалась мама:

— Так они держаться не будут, надо поглубже выкопать. И, чтобы не сгнили через год, щебёнки с песком насыпать, а потом цементиком залить.

— Mam, откуда ты это знаешь? — всполошилась Лида.

— Ну как откуда? Мы с тётей Раей, когда у нас на даче сарай строили, так делали, и он уже десять лет стоит, как скала.

«Только бы здесь где-нибудь был цемент, за домом кучка гравия точно была», — лихорадочно начала соображать Лида. Она метнулась в дом, схватила ведро и сунула в руки Петру.

— Вот, для гравия, наберёте за домом.

Пётр, сжав тонкие губы и недовольно сопя, поплёлся за угол.

— Mam, а где у них тут цемент? — спросила Лида как нечто само собой разумеющееся, но внутри всё напряглось и сжалось в пружину.

— Да вот если б же они мне заранее сказали, а то всё с бухты-барухты. Сейчас поищу; кажется, был один мешочек за корытом, завалили тут его, заставили... Есть, вот он!

Лида счастливо выдохнула. Удача на её стороне! Скоро здесь будет бассейн, и ты, мамочка, тоже будешь отдыхать, освежаться, а не только спину на грядках гнуть.

— Лид, иди сюда, — позвал Пётр, — держи бревно ровно, чтоб не упало, а я засыпать буду.

После второго коротенького брёвнышка, он достал большой коричневый клетчатый платок и начал обтирать сухое лицо.

— Ох и умаялся я тут, рано встал и с утра на ногах...

— Может быть, водички принести? — предложила сочувственно мама.

— Да я и так на восемьдесят процентов из воды состою, по существу бы чего...

— Ой, а мы взяли только по яичку да хлеба четвертушку. Но ничего, сейчас на грядке огурчиков, помидорчиков соберём, — разволновалась, засуетилась мама.

— И чеснока, и лука зелёного!

Подкрепившись, Пётр встал, потягиваясь и позёвывая.

— Часочек бы соснуть хорошо было после трудов праведных.

— А как же там куры без вас? — напомнила ему Лида и чуть не пожалела.

— Корова не доена, куры не кормлены, а я сразу к вам. Что ж я за хозяйин такой? — всполошился он. — Всё, надо кончать эту работу.

Оставившись брёвна он проталил, пошатываясь, пыхтя и отдуваясь, отчего у Лиды сразу перед глазами возникли все одиннадцать бурлаков с известной картины Репина. Намешал щебень с песком, высыпал в ямки, развёл цемент и, как столетний дед, взялся за поясницу.

— Ну, притомился я с вашим бассейном. Это ж как им хочется барствовать, приезжать загорать да прохлаждаться! А я всё в работе, как жук в навозе. Мне в санаторий давно пора. Кстати, а у твоей тётки в профкоме наверняка есть связи. Может, она бы и мне путёвочку выбила? Ты скажи ей...

Пока Лида держала вертикально брёвна, Пётр, заливал их цементным раствором и засыпал землёй. Он всё бубнил и бубнил, то жалуясь на невыносимо тяжёлый труд, то предприимчиво повышая цену своих услуг. Лида кивала, соглашалась, смотрела прямо ему в глаза и обещала. Ради мечты она была готова на многое.

К обеду у мамы закончились полезные советы, у Пети брёвна, а у Лиды сила духа и сила воли. Все умаялись, но работа была сделана.

У калитки его хозяйственный взгляд зацепился за какой-то кустик с красными ягодами, похожими на что-то среднее между малиной и шелковицей.

— О, а это что за куст? Я такого не видел ни у кого! Съедобные?

Он уже сорвал ягоду и поднёс ко рту.

— Да, съедобные. Только на желудок вредные.

— А зачем он тут растёт, место занимает?

— Тётя Рая говорит— от воров, для науки.

Петя хмыкнул и одобрительно улыбнулся.

— Мудрёная тётка, надо будет у неё черенок попросить.

Душевные переживания, связанные с внезапным поиском стройматериалов, не прошли даром. Теперь у Лиды появился полезный опыт. И поэтому, прежде чем двигаться дальше, она проверила, есть ли материал для следующего этапа строительства. Доски были. Довольно большая беспорядочная куча перед домом. А вот кафеля, чтобы потом обложить стенки, не было. Ни на даче у тёти Раи, ни в магазинах. Его доставали только по блату, который у Лиды, понятное дело, отсутствовал. Цемент тоже закончился. Но она решила так: раз уже два человека ей помогли, значит, это знак судьбы, и руки опускать нельзя. Бабушка всегда в трудных ситуациях говорила ей: «Просите— и вам дадут, ищите— и найдёте, стучите— и вам откроют». То есть, конечно, не бабушка автор этих слов, а Левий Матфей, но если во что-то очень сильно верить, то всё получится. А Лида бабушке верила.

В следующую дачную субботу было решено навестить ещё одного Светкиного рыцаря. Лида знала о нём, что он столяр, но не простой, а элитный, краснодеревщик. И Света, и тётя Рая говорили о нём с уважением, что он был за границей, и не по туристической путёвке, а как специалист, от завода. Хотя и называли его попросту— Толик. В отличие от Серёги и Петра, он был более сдержан или, может быть, даже застенчив.

Потоптавшись и посоветовавшись сама с собой, она решительно вошла во владения мастера. В глубине участка, посреди ярко-зелёного ровно подстриженного газона, стоял обычный щитовой домик, а к нему вела волнистая дорожка из белой мраморной крошки.

Перед домиком красовалась причудливая многоуровневая клумба. В самом низу в продуманном беспорядке уложены серые каменные валуны, выше— булыжники поменьше, сквозь которые прорастало такое количество растений, что она вся казалась пёстрой, жужжащей, звенящей и благоухающей.

Осторожно пройдя по хрустящей дорожке, Лида остановилась возле стайки карликовых хвойных деревьев, напоминающих детишек, играющих у крылечка.

Из дома вышел невысокий молодой человек в джинсах и простой белой футболке, закрыл дверь на ключ, подёргал ручку, чтобы ещё раз проверить, и направился к выходу. Он чуть было не прошёл мимо неё, но потом, увидев, остановился, и сосредоточенное выражение на его лице сменилось на удивление.

— Лида? Привет! Ты ко мне?

— Здравсьте! Да.

И она в очередной раз она принялась излагать «просьбу Светочки».

— Светочка говорила, что размеры её благодарности будут безграничны,— широко и искренне улыбаясь, интриговала Лида.

Толик слушал молча, а потом в его серых глазах мелькнуло сомнение.

— А ты не перепутала? Она точно меня просила об этом? Они с Петькой всё шушукались последнее время...

— У Петьки они с мамой яйца куриные покупали,— не дав ему развить это предположение, убедительно пояснила Лида.— А про вас она говорила, что никому такую работу не доверила бы, только вы с вашими золотыми руками могли бы это сделать.

— Да откуда она это знает?— всё ещё колебался Толик.

— Так весь завод это знает. И даже я!

Парень снисходительно и застенчиво улыбнулся, но по всему было видно, что ему очень приятно и лестно.

— Иван Афанасьевич, мой наставник, тоже так считает. Когда делегацию по обмену опытом набирали для поездки во Францию, его спросили, кого он с собой возьмёт, он именно меня порекомендовал.

— А где вы были, расскажите?

— В Марселе, на заводе работали.

— Я думала, что во Франции только духи делают и моду создают.

— Ну ты даёшь! Это же «порт империи»— второй по величине город страны после Парижа. Под Марселем железную руду добывают, и там же металлургический комплекс мы им помогали строить. Там только в порту этих заводов тьма: нефтеперерабатывающие, химические, судостроительные, стройматериалов...

— А вы с французами общались? Какие они?

— Конечно, общались, даже выпивали. Нормальные в основном, здороваются, улыбаются, чуть замалеют— целоваться лезут, на наших похожи. Я, правда, одному чуть в морду не дал, спасибо, Иван Афанасьевич остановил, а то был бы нам международный скандал.

— Ничего себе! За что?

— Да вот же за что... Зашли после работы с Афанасьичем в бар, взяли вина, сидим как люди, о футболе говорим. Смотрим, двое слесарей с участка,

где мы работаем, зашли, мы им рукой помахали: давайте, мол, к нам, ребята. Выпили по чуть-чуть, слово за слово — заспорили, забил бы мяч Платини нашему Дасаеву или нет. Я, конечно, говорю: «У вашего Платини ни удара, ни физиухи, вообще без шансов. Хоть весь „Сент-Этьен“ ставьте». Пьер покраснел, лопочет, что он король Европы, бьёт себя в грудь — прикольно, короче... И тут второй, который Жан, говорит: «А я считаю, что футбол — это игра для девочек, а мужская — это регби». Ну, вот тут Иван Афанасьевич мою руку и перехватил, а то вломил бы я ему и за девочек, и за восемьсот двенадцатый год по полной.

— Ну а сам город какой? Чем от нашего отличается? — Погода примерно как в Сочи, только он в два раза больше, есть метро, трамваи. Улицы только ненормальные: у нас ровненькие, кварталами, а там все по диагонали. А вообще, знаешь, чем ещё? У них улицы чище, чем у нас, а у нас в цехах чище, чем у них на улице.

— Это как?

— Вот представь, мы работаем на станке, тут ихний Пьер подходит и руками машет: останавливайте станки, дескать, я их сейчас смазывать буду. Мы ему говорим: «Да как же так? Мы работаем, вот закончим — сами их в порядок приведем». Он разволновался: «Неужели вы сами их моете, смазываете? А что же у вас слесаря делают?» Мы ему отвечаем, что наши слесаря в каптёрке целый день в карты играют и телевизор смотрят.

Лида прыснула и развеселилась.

— А на следующий день он прямо с утра к нам на участок приходит и говорит: «Я социалист, голосовал за Миттерана, мы хотим тоже строить социализм, чтобы у нас были достойные зарплаты, пособия и пенсии. Вчера рассказал супруге о вас, и мы вас приглашаем в выходные на обед. Посмотрите, как живёт рабочий класс во Франции».

— Интересно! И как они живут?

— Слушай, — Толик усмехнулся. — Там метро каждые три минуты ездит, но он нас в гости повёз на своей машине, такой новенькой, блестящей, навороченной, у нашего директора завода такой нет. Ехали долго по каким-то запутанным и узким старым улочкам, он то ли в пригороде живёт, то ли деревня это была, я не понял. Останавливаемся возле большого золотистого домика с черепичной крышей и белыми ставнями. Всё вокруг в зелени, кустики подстрижены, газоны ровненькие, ухоженные. А во дворе бассейн, не меньше, чем у нас в школе был.

Лида аж подпрыгнула:

— Прямо возле дома?

— Да, выходишь, два-три метра — и можно нырять. Вода чистая, голубая, на солнце нагретая. А возле бассейна под большим белым зонтиком шезлонги, кресла стоят и столик маленький для напитков. Вокруг виноград, апельсиновые деревья, и такая

знойная Брулатка с корзинкой фруктов. Видела картину Муллова «Итальянский полдень»?

Лида жадно слушала, ловя каждое слово и представляя чудесные картины, описанные Толиком. Она быстро кивнула.

— Очень похожа, только посмуглее. Я Афанасьичу шепчу: «Вот тебе и социалист, а на деле-то колониалист-плантатор!» И тут он её целует и представляет нам: «Это моя жена Адель». Мы когда ещё собирались ехать, был парторг предупредил, что французы любят подарки. Я сделал несколько деревянных резных шкатулок, а Иван Афанасьевич накупил пряников тульских, и вот тут они очень кстати пришились. Мы их хозяйке преподнесли, а она сразу заулыбалась, а зубы у неё белые, как сахар; на ломаном русском говорит: «Добрый день! Здравствуйте! Добро пожаловать!» — и приглашает нас в дом.

— А они вас чем-нибудь угощали, а то говорят, что к иностранцам со своей едой приходиться надо?

— Ой, да много чем угощали. Они такой стол накрыли, что мы просто обалдели. Сначала закуски, оливки, сыр, вино, а потом хозяйка подала ихний знаменитый суп буйабес. Вкуснее я не пробовал: наваристый, ароматный. Если бы дома, так я три тарелки съел бы.

— А из чего они его варят? Может, можно его и тут приготовить?

Лида любила готовить, и даже когда читала художественные книжки, всегда отмечала кулинарные описания, и поэтому приготовилась запоминать заморские ингредиенты. Толик снисходительно посмотрел на неё.

— Из морского петуха, морского скорпиона, морского волка, устриц. От пяти до двадцати видов рыбы они туда кладут и готовят на белом вине. А мы тут из чего сварим — из хека и минтая? Ладно, не расстраивайся, слушай дальше, — Толик вздохнул и мягко продолжил: — Перешёл наш обед плавно в ужин, сидим на террасе при свечах, с залива свежий бриз дует, а наш Пьер всё подливает нам и подливает.

— А что подливает? — не сдержалась Лида.

— Ну, в том-то и дело, что подливает анисовую настойку пастис, а он у них высоких градусов. И сначала он его водой разбавлял раз в пять, а потом всё меньше и меньше, а под конец стал наливать совсем чистый. Мы, конечно, сразу просекли, что он чего-то от нас хочет, но ждём, марку держим. И вот он, наконец, решил, что мы «созрели», и так, как бы между прочим, спрашивает: «А вы можете в посольстве походайтствовать, чтобы я переехал к вам в СССР?» У моего наставника очки чуть с носа не свалились. Он поверх них глянул и строго его спрашивает: «Зачем это?» — «Хочу к вам слесарем устроиться. У вас в Советском Союзе социализм полностью победил, а у нас работы до фига, налоги громадные, и когда ещё

мы добьёмся хорошей жизни — неясно». — «Значит, ты хочешь, чтобы сразу на всё готовое? Чтобы наступила нормальная жизнь, нужно не ждать, а бороться за неё»...

Лида не выдержала и горячо и вдохновенно заговорила, стараясь быть убедительной:

— Правильно Николай Афанасьевич говорил! Мы должны сами строить и обустраивать свою жизнь! Я столько лет мечтала о бассейне, — тут она запнулась и быстро поправилась: — Мы со Светочкой мечтали! Анатолий, это не причуда, вы же сами видели, как люди живут. А у нас на дачах днями и ночами, как рабы, гнут спины, гробят своё здоровье, не имея возможности ни отдохнуть, ни любоваться природой, к которой они все так тянутся...

— Наши дачи — это вообще государственное преступление, Лида, — согласился Толик.

— Ну если мы это понимаем, и не хотим так жить, помогите нам. Мы уже большую часть работы сделали! Совсем немного осталось...

— Ладно, пойдём, покажешь, что вы уже сделали.

Толик осмотрел яму с вкопанными с четырёх сторон брёвнами, остановился возле кучи нестроганных досок и долго молча озирал её, словно невиданное зрелище. Потом также молча повернулся и ушёл.

Лида запаниковала. Вопросы пулемётной очереди стучали в голове. Что не так? Что делать теперь?

Через полчаса Толик вернулся с огромным рюкзаком, набитым инструментами.

Не спеша, вдумчиво принялся за работу. Что-то померил, что-то распилил, несколько раз легко прошёлся рубанком по каждой досочке, проводя по ней рукой и проверяя гладкость. Потом стамеской скрупулёзно выбил сучки и забил заделки. Снова тщательно пригладил рубанком. Когда все чисто оструганные доски стояли и сияли на солнце тонкими узорами древесины, похожими на папиллярные завитки и бороздки на наших пальцах и ладонях, мастер отложил рубанок и достал бутылку с красно-коричневой жидкостью. — А это что?

— Морилка.

— А кого морить?

— Древоточцев. А раз это бассейн будет, значит, надо защитить дерево от гниения, грибковой плесени, ну и цвет будет благороднее, под красное дерево.

У Лиды радостно забило сердце. Она восхищённо смотрела, как Толик поролоновым валиком наносит, а затем растирает морилку, сначала вдоль досок, потом, когда они подсохли, поперёк, потом снова вдоль. А когда он налил в небольшую широкую банку лак для дерева и плоской щетинной кисточкой аккуратно стал покрывать их тонким

блестящим слоем и доски зеркально заблестели на солнце, Лида окончательно решила, что плитка не понадобится.

Она представляла, что когда в бассейн наберётся вода, это будет похоже на драгоценную сокровищницу, заполненную до краёв жидким червонным золотом, особенно на закате. У Лиды захватывало дух от счастья и предвкушения всеобщей радости.

Вечером к ним зашла соседка и сообщила, что по межгороду звонила тётя Рая и просила передать, что приедут они раньше, чем планировали, то есть завтра.

Мама забеспокоилась. На завтра вновь наметилась поездка на дачу, чтобы немного навести порядок в домике и собрать урожай для соскучившихся по «своим, домашним» огурчикам и помидорчикам путешественниц.

Лида с вечера накрасила ногти и любовалась сверкающим на них рубиновым лаком. Она думала: какой замечательный сюрприз ждёт завтра хозяев дачи.

Лида заранее купила три метра красной атласной ленты, повязала её на два деревца по обе стороны дорожки, чтобы церемония была максимально торжественной и праздничной.

Наконец за калиткой послышались оживлённые голоса двух везучих родственниц. Они вошли загоревшие, обе в южных широкополых шляпах и цветастых ситцевых сарафанах.

Перед ленточкой остановились как вкопанные и умолкли.

Гордая произведённым эффектом, Лида с сияющим лицом протянула им специально привезённые из дома маникюрные ножницы на тарелочке.

— Почётное право перерезать ленту в честь открытия...

Она не успела договорить, как тётя Рая испуганно вскрикнула и схватилась за сердце:

— О Господи! Что это?!

Сестра вытянула шею и замерла столбом, с ужасом и изумлением вглядываясь в бассейн.

— Это на цыганскую могилу похоже... Осталось только поставить там кровать и трюмо... — с экзертным видом ядовито изрекла Светка.

Лида перевела взгляд на маму, которая внимательно слушала и растерянно моргала, а на её щеках вспыхнули алые пятна, похожие на шелковистые маковые лепестки.

Тётя Рая, продолжая держаться за сердце, требовала объяснений.

И Лида попыталась:

— Это наш замечательный чудо-бассейн. Мы, как приезжаем на дачу, согнёмся буквой «зю» и работаем, и работаем. Вы сами говорите, что некогда к небу голову поднять. Вот. И если дача такая полезная для здоровья, то, кроме работы, должен быть

и культурный отдых! Вот французы всё успевают: и апельсины растят, и сок возле бассейнов пьют. — То каплагерь, не равняй, на них всю жизнь арабы работали, а они только отдыхать и привыкли,—отживела тётя Рая.

— А вы сами себе концлагерь устраиваете. Только работаете без продыху, как будто тут кругом голод. Думаете лишь бы живот набить. Кто нам мешает жизни радоваться?

Тётя возмущённо набросилась на маму:

— Ну, у Лиды вечно в мозгах завихрения, одни светлые идеи и грандиозные замыслы. А ты куда смотрела, когда она яму прямо под домом рыла? Ты что, не видела?!

— Она не рыла...

— Так ты ещё и потакаешь каждой её блажи?!

Лиде стало невыносимо обидно: и за мечту, которая сбылась, но как-то не так, как себе представляла, и за ребят, которые вложили столько труда, умения и души. Она вспомнила мальчишескую открытую улыбку и горящие жарким огнём глаза на вдохновлённом лице Сергея, как основательно они с Петром заливали цементным раствором брёвна и она старалась держать их перпендикулярно земле, чтобы было ровно-ровно. Разговор с Толиком пробудил в ней надежды и придал силы, она снова увидела, как легко падали на землю невесомые золотистые стружки под его рубанком, сосредоточенный взгляд, пахнущую смолой и лаком солнечную красоту, которой она совсем недавно любовалась. Но особенно было жаль маму, которая ни в чём не была виновата.

— Я хотела, чтобы мы как люди жили, а не только работали, как каторжные. Но вы же меры не знаете. Мама после работы, не вши, ездила сюда то поливать, то полоть, все выходные на ваших грядках спину гнула, пока вы на солнышке валялись и в море купались, а вы ещё её ругаете?! Сами теперь вкалывайте на своей фазенде кверху попой, хоть круглосуточно! Пойдём отсюда, мама...

До остановки они обе молчали. Подошёл автобус. Днём он был на удивление пустой. Лида выбрала места, куда не попадали прямые солнечные лучи, и села к окошку, а мама, почти невесомо, рядом. Лида неотрывно смотрела, как за окном навстречу им движется зелёная полоса деревьев, а чуть выше неровной, но непрерывной линией тянется горизонт, чётко разделяя дальние туманные поля и небесную синеву. Казалось, что там начинается море со светлыми островами, белыми парусами над лёгкими лодками. Лида приподнялась, чуть приоткрыла окно, порыв свежего ветерка ласково подхватил и растрепал её волосы. На душе сразу стало легче. От худенького мамино плеча ощущалось успокаивающее тепло, к нему хотелось прижаться и, забыв обо всём, вдыхать родной запах.

Лида повернулась и, глядя в мамины глаза цвета гречишного мёда, окаймлённые короткими

ровными ресницами, похожими на молодые еловые иголки, почувствовала, что обида испарилась, и всё, чем она горела ещё совсем недавно, стало невозвратно далёким. Как будто всё это произошло не с ней, а с героиней какой-то полузабытой книги.

— Мама, прости меня, пожалуйста, что я тебе не сказала правду,— тихо и мягко произнесла Лида и снова уткнулась в мамино плечо, не стесняясь, как маленькая.

Мама ласково погладила её по голове и мягко привлекла к себе.

— Лидочка, даже для доброго дела не нужно обманывать. И потом, это всё-таки их дача, пусть сами решают, что им нужно, что нет. Они попросили нас помочь, мы помогли, а насильно счастливыми никого не сделаешь. А бассейн можно будет потом на нашей даче построить...

— Да на нашей ведь и домика нет, один сарайчик деревянный да будка железная для инструментов. Ни красоты, ни удобств, одно расстройство...

— Ничего, вырастешь, придёшь к нам на завод работать... Видела, какие у нас замечательные ребята работают?

— И что? Это ж я не для себя просила, а для всех. И больше не смогу.

— Не надо просить. Выйдешь замуж за такого, как Сергей или Толик, и вместе построите и дом, и бассейн. Посадишь розочки, будете приезжать жарить шашлыки...

— Ой, мам, что ж ты так от меня избавиться хочешь? Я хочу, чтобы нам с тобой хорошо жилось,— засмеялась Лида.

— Доченька моя, да разве я такое сказала? Просто без мужчины оно видишь как тяжело. Что мы вдвоём можем сделать?

— Так я, по-твоему, ради дачи замуж должна выходить? Да ну её, эту вашу дачу, подальше! А вдвоём мы с тобой вот что сделаем: сейчас приедем и сварим кулеш! И кофеёчка выпьем, да?

— Конечно, сделаем, Лидушка.

— Ну родственнички: накуролесили, натворили делов и пошли, а нам разгребай! На секунду ничего оставить нельзя!— сокрушалась тётя Рая, то обходя бассейн, то останавливаясь и вглядываясь в него так, как будто решая, прыгнуть туда ласточкой или солдатиком.

— А помнишь, когда мы прошлый раз уезжали, ты попросила их шторы постирать, так Лида весь мой лак для ногтей вымазюкала,— подхватила Светка.— Так то ещё она помладше была, а сейчас совсем чокнутая!

— А всё наша мягкохарактерность и уступчивость. Пороть её вовремя надо было, чтобы слушалась беспрекословно, крапивой! А Тоня ж сердобольная, всё жалела: растёт без отца, сирота,—

вот и воспитала на нашу голову. Не племянница—кара небесная. И за что ж нам эти казни египетские?!

— Спокойствие, только спокойствие,— с невозмутимостью Карлсона остановила её Светка.— Сейчас я решу эту проблему.

Она достала из сумки объёмистую косметичку и стала наводить марафет. Улыбаясь в маленькое зеркальце, нанесла румянец на округлившиеся яблочки щёк, подвела замысловатые стрелки, которые удлиняли её глаза к вискам, придавая сходство с инопланетянкой, и жирно обвела губы помадой цвета спелой вишни. Завершив боевую раскраску, выпрямила спину, гордо вздёрнула подбородок, повела плечами:

— Макияж а-ля Нефертити! Ну как?

— А куда моя красавица собралась?

— Сейчас найдём дюжину тех, кто будет счастлив закопать эту жуткую яму, что вырыла нам наша беспокойная кузина.

— Ты же знаешь, что ради мужчин не нужно сильно стараться: тебе стоит только щёлкнуть пальцами—и любой будет у твоих ног.

Довольно улыбаясь, Светка взяла секатор, срезала бордовую розу, обломала колючки, воткнула сбоку в волосы и решительно растворила калитку. Напевая «Хабанеру» и кокегливо покачивая бёдрами, направилась она в сторону жёлтого штакетника, за которым застыл, точно вкопанный, Серёга, не сводя с неё восхищённого взгляда, полного надежд и чаяний...

Кулеш готовили в казанке по бабушкиному рецепту. Лида пулей слетала в магазин за корейкой, мама тем временем промыла в семи водах пшено, очистила овощи и уже через час они сидели и хлели горячий, густой и наваристый суп.

Своим ароматом посыпанный сверху мелко порезанным зелёным луком кулеш сманивал на вторую порцию. И Лида с удовольствием налила ещё тарелочку. Она раскраснелась, чувствовала необыкновенный прилив сил и бодрости. «Эх, а если бы ещё на костре такой кулеш сварить, с дымком, да на воздухе, как варили встарь запорожские казаки да чумаки, вот бы красотища была! Надо в магазине „Турист“ посмотреть подставку для котелка, а если не будет, составить из кирпичей—в сарайчике, кажется были». Она отхлебнула глоток горячего кофе с молоком и благодарно посмотрела на маму.

И тут у неё под рёбрами и в горле что-то сжалось, она коротко вздохнула и громко икнула.

— Ой, Лидочка, что ж такое? Попей водички маленькими глоточками, она пройдёт.

— Ик!

— Задержи дыхание, мне всегда помогает...

— Ик!

— Лидуся, открой рот, высунь язычок, ещё посильнее...

Мама осторожно взялась пальцами за кончик и несколько раз тихонько потянула.

— Не помогает! Ик!— у Лиды выступили слёзы на глазах.

— Кто же тебя так вспоминает? Чтобы узнать, надо по очереди всех знакомых перечислять. На каком имени прекратится, значит, тот человек и вспоминает. Давай начнём с самых близких...

Кот Пандоры

Первым её домашним питомцем был пещерный кот, добытый своими руками.

Он стал родоначальником одной курицы, семьи волнистых попугаев, четырёх собак и питомника шиншилл. Но это в будущем.

Как такое может случиться, тогда не знал никто: ни белый, пушистый и совершенно дикий кот, которого увидела в этот судьбоносный майский день Лида, ни её мама и бабушка, поспособствовавшие началу этой длинной цепочки познания мира и себя.

Город располагался в низине между двух рек, где ему было уже тесно, поэтому он интенсивно строился и расширялся. Большой котлостроительный завод, где работала Лидина мама, выделил ей квартиру в новеньком белокирпичном доме, на возвышенности, которую называли Солнечная гора. Отданные под застройку колхозные поля, засевавшиеся прежде кукурузой и подсолнечником, теперь заросли чертополохом и осотом. Первую пятиэтажку нового микрорайона возвели посреди высоченных бурьянов, бушевавших от ветра, как море-океан при шторме, и новосёлы чувствовали себя робинзонами на необитаемом острове.

Все существа вокруг, замеченные пытливым Лидиным взглядом, были свободны и ещё не приручены человеком, полны первозданной силы, ловкости и красоты. По полю носились длинными зигзагами зайцы-русаки, а в небольшой зелёной роще сновали ежи и скакали по веткам ярко-рыжие белки с орехами в зубах.

Новая квартира казалась Лиде необычайно просторной и полной укромных мест. Оставаясь дома одна, она счастливо разгуливала из кухни через коридор в комнату и на балкон, а затем обратно, примеряя на себя перед зеркалом в прихожей роль маленькой хозяйки. В душе у Лиды царил праздник. Все струнки внутри возбуждённо дрожали и пели.

Осматривая новые предметы обихода и мебель, Лида находила их превосходными, уютными и многофункциональными. За столом в комнате можно есть, читать книжки, рисовать, собирать конструктор и играть. На диване—спать, сидеть, читать, грызть семечки, вышивать и играть в карты, пупсиков или в пуговички: это когда подбрасываешь и ловишь одну, а в промежутке хватаешь с дивана вторую.

Для игр, кстати, подходили все предметы обстановки. Если составить несколько стульев, а их было целых три, и накрыть покрывалом, можно залезть внутрь и представить, что это шалаш, палатка или домик.

А в большом полированном и блестящем шифоньере можно отправиться, как на автобусе, в путешествие. Водно из таких путешествий, стоило только бабушке внезапно вернуться домой, автобус потерпел аварию. И за вывалившиеся, измятые простыни и полотенца Лида была наругана и выгнана гулять с не очень педагогическим напутствием: «На улице хоть на голове ходи, а я только вчера порядок здесь навела!»

Выйти погулять в то время было всё равно что остановить поезд в чистом поле, высадить пассажира и предложить ему чудесно провести вечер. Ни спортивных, ни детских площадок не было и в помине, двора как такового — пока тоже. Кучи земли и строительного мусора вокруг дома заутюжили бульдозером, а тротуары планировались только после завершения строительства всего нового района. Но, учитывая сроки возведения кирпичных «брежневок», контингент «созидателей» и другие факторы, надежды на скорое благоустройство территории было мало.

Рядом, за невысоким забором, на стройке начался обеденный перерыв. Наверху в оконном проёме показался прораб и зычно крикнул: — Баста!

Затем он спустился по лестнице, бросил на бетонную плиту белую каску и брезентовые рукавицы, сплюнул пыль и затянулся «Беломором». Бригаде, в основном состоящей из «химиков», не требовалось особого приглашения. Мужики уже суетились возле расстеленной на досках газете, разливая по мутным стаканам вино. На закуску была крупно порезанная варёная колбаса, намазанная томатной пастой. Загорелый парень, с синеватой татуировкой на плече, приглашающе махнул прорабу рукой: — Давай к нам, Семёныч, на шашлычок!

Боязливо поглядывая в сторону стройки и не обнаружив возле подъезда никаких гуляющих детей — видимо, все они вели себя хорошо, — Лида решила обойти свой дом вокруг. Она осторожно брела по щёбёнке и битому кирпичу, стараясь не наступать на комья глины и куски неубранной арматуры. И тут Лиду ожидало чудо: в тёмном проёме низенького подвального окошка сидел ослепительно-белый пушистый кот. Его огромные глазки светились молодой зеленью, а чёрные зрачки то расширялись, то сужались.

Лида замерла на месте: если бы там появился инопланетянин, это было бы скучно и буднично и не произвело бы такого впечатления.

Она молниеносно поняла, что именно этот кот станет её другом, она будет о нём заботиться, и все будут счастливы.

Не в силах отвести взгляда от этой красоты, она сделала шаг в сторону окошка. Кот пристально посмотрел на неё и бесшумно отступил в темноту.

Лида сорвала травинку, присела и пошуршала стебельком, надеясь привлечь и заинтересовать будущего друга.

— Кис-кис-кис...

Белая любопытная мордочка показалась и тут же спряталась.

— Трусишка, иди ко мне, не бойся, я тебя не обижу...

Теперь в окошке промелькнул пушистый хвост, и через миг яркое радостное видение снова сменилось пустым чёрным квадратом.

Без толку прождав с полчаса, Лида решила действовать. Между вторым и третьим подъездами под скошенной шиферной крышей находилась крепкая дверь из тёмного дерева, которая вела в подвал. И она была открыта. Придерживаясь за стену ладошкой, Лида спустилась вниз по бетонным ступенькам. В подвале сразу пахнуло запахом цементной пыли и свежеструганной древесины.

У самого входа под низким потолком тускло горела лампочка, а дальше коридор разделялся на два прохода, в один из которых свернула Лида и попала в подвал второго подъезда. Справа было множество деревянных дверей с номерками, как на квартирах, а слева тянулись толстые трубы, обмотанные серебристым утеплителем. На одной из труб был установлен большой красный вентиль, похожий на руль. Лиде очень хотелось его покрутить, но тут она уловила лёгкий сквознячок.

От трубы отделился белый комочек, мягко спрыгнув на пол. Кот помчался вдоль кладовок и исчез за поворотом. Не раздумывая, Лида азартно бросилась за ним. Казалось, что кот летел. В длинных прыжках вперёд его гибкое тело то растягивалось, то упруго сжималось. Он сильно отталкивался задними лапами от пола и неслышно нёсся дальше.

Лида бежала по стелющейся за ним позёмке из пыли. Её подстёгивали внезапно проснувшийся охотничий инстинкт и желание во что бы то ни стало заполучить этого необыкновенного зверя.

Других мыслей и эмоций не было: ни сомнений, ни усталости. Не было даже страха перед неизвестным полутёмным подвалом, встречей с недобрыми людьми или опасения, что могли прийти слесаря и закрыть дверь на ключ. Историю про Тома Сойера и Бекки, заблудившихся в пещере, Лида пока ещё не читала. Позже она станет одной из самых любимых её книжек, а сейчас ею двигали чистая воля и несокрушимая вера в свои силы.

Когда она станет взрослой, она будет вспоминать это состояние в тяжёлые минуты упадка духа и учиться у маленькой и всемогущей самой себя.

Они бегали по всему подвалу, словно связанные невидимым крепким тросиком, и, кажется, даже

сам процесс стал приносить удовольствие обоим. Но вот белое пятно заметалось в конце тупика. Запыхавшаяся Лида перешла на шаг. В паре метров от беглеца она остановилась и присела на корточки, даже не допуская мысли, что животное прошмыгнёт мимо неё и снова убежит.

Они смотрели друг на друга, как набегавшиеся, наигравшиеся в салки друзья-сорванцы, и больше всего Лиде хотелось вместе пойти домой.

— Котик, пойдём ко мне жить...

Он медленно прищурил глаза и несколько раз моргнул.

— Ты улыбаешься? Значит, да? — обрадовалась Лида и тоже прищурилась и несколько раз медленно моргнула.

— А ты не будешь меня будить и пугать пылесосом?

Кот развернул уши по сторонам «самолётиком». Снова сверкнули два кошачьих глаза, как два зелёных зеркала.

Лида услышала внутри этот вопрос, и сразу поняла, хотя он не прозвучал.

— Что ты! Я сама поспать люблю, а пылесоса у нас вообще нет.

— А тискать и таскать за хвост?

Зрачки сузились в две тоненькие вертикальные щёлочки, а уши кота отвелись назад, плотно прижавшись к голове, как будто ему в мордочку дул сильный ветер.

— Никогда. Я буду гладить тебя, только когда ты захочешь.

— А забывать обо мне и бросать меня, как надоевшую игрушку?

— Котик, я дам тебе имя, мы будем всегда вместе. Завтра я схожу в школу на последний звонок, а потом начнутся каникулы. Днём мы будем играть в мячик. А по вечерам я буду рассказывать тебе интересные истории, а ты мне мурчать свои...

На пару секунд кот закрыл глаза. Потом по всему его гибкому телу прошла волна, он выгнул мостиком спину и ошетинился, отчего стал казаться вполтину больше.

— А ты не принесёшь домой другого кота?

— Откуда ты всё это знаешь? Мне не нужен никакой другой кот, ты самый лучший, — твёрдо сказала Лида и осторожно протянула руку.

Кот неожиданно оказался очень тяжёлым и мускулистым. Сначала его тело было напряжённым и твёрдым. Но когда Лида взяла его поудобнее, одной рукой поддерживая под задние лапки, а второй за плечики и бережно прижала к груди, кот обмяк и тихонечко замурчал. И пока она его несла, всё время представляла, что это её маленький братик.

Недалеко от подъезда курила бригада строителей. Они ждали автобус, который забирал их после смены. Подобревший прораб Семёныч толковал про планы и нормативы каменщикам поневоле, но, заметив девочку с котом, переключился на них и одобритительно поднял большой палец вверх:

— Ишь ты, какой кот у тебя знатный: брови как у Брежнева, усы как у Сталина.

Работяги обернулись и засмеялись.

Лиде стало приятно, что все видят, какой замечательный у неё кот, и она, гордо подняв голову, прошествовала в подъезд.

«Ф-ф-фух, хорошо, что мы на втором этаже живём», — выдохнула девочка, сдула упавшую на глаза взмокшую чёлку и постучала носком туфельки в дверь. Немного подождав, заколотила сильнее. — Иду, — раздался за дверью настороженный бабушкин голос. — Кто там?

— Это я! Открывай, бабушка!

— А что, звонок не работает? В честь какого праздника ты барабанишь? — распахнув дверь, начала она и остановилась. — А это что такое у тебя?

— Это котик. И он теперь будет жить с нами.

Лида с нескрываемой радостью и облегчением поставила своего нового друга на пол в прихожей, и кот немедленно направился в сторону кухни.

— Где ты его взяла? Зачем он нам нужен? И где ты весь день пропадала? Я десять раз на балкон выходила тебя звать!

— Даже Баба Яга Иванушку в баньке попарила, накормила, напоила, спать уложила! А ты же моя родная и любимая бабулечка! Не ругайся!

— Вот, я тебя сейчас тоже попарю венчиком, хитруля, — бабушка усмехнулась. — Зубы мне не заговаривай. Я же волновалась.

— Бабушка, я целый день его ловила, мы такие голодные...

— И грязные, как трубочисты. Иди мой руки, а потом уже про еду поговорим.

Бабушка отправилась на кухню разогревать ужин, по пути кышнув вертевшегося под ногами кота. Она поставила на стол перед внучкой тарелку с гречневой кашей и котлетой, а для кота нашла маленькое блюдечко и капнула туда немножко сметаны.

Лида решительно разделила свою порцию и отгрузила половину своему пушистому другу.

— Вот скоро мама с работы вернётся, скажет тебе, где он будет жить, — усевшись напротив на табуретку, многозначительно кивнула бабушка, — а скорее всего, это чей-то кот, а ты его украла.

— Ничего не украла, я его нашла. Ему там плохо жилось, я знаю.

Кот с аппетитом ел и, чутко поводя ушами, внимательно следил за беседой.

— А вот уже и пришла.

В прихожей щёлкнул замок, и послышались лёгкие мамини шаги. Мама заглянула на кухню и устало улыбнулась:

— Ну как вы тут? Ужинаете?

— Да вот кормлю тут нового жильца, — с чувством произнесла бабушка, показав рукой на кота, и многозначительно замолчала.

— А откуда у нас кот появился?

— Принесли откуда-то наша Лидуся. Целый день где-то бегала и только недавно вдвоём заявились. Садись, Тоня, с нами кушать. И послушаем, что она расскажет.

— Мапочка, посмотри, какой он чудесный, какие у него умные глаза!

Словно в подтверждение этих слов, таинственный кот поднял голову, отошёл от блюдечка, сел поодаль, укрыв пышным хвостом передние лапки, и застыл, как статуэтка.

Мама поразилась:

— Ты посмотри на него: неужели что-то понимает? — Конечно, понимает,— с жаром подхватила Лида.— И не только понимает, но и сам умеет разговаривать, только по-своему, по-кошечьи.

— По-кошачьи,— поправила мама.— Тебе его кто-то дал?

— Да в подвале она его поймала! Может быть, ещё и с лишаем этот чудесный котик!— не выдержала здравомыслящая бабушка.

— Нет у него никакого лишая,— насупилась Лида.— Да ты вообще не знаешь, что это такое, молчи уже, горе луковое. Доедайте да идите отдыхать, а я посуду помою!— рассердилась бабушка.

Лида с мамой поблагодарили за ужин и пошли в комнату, а кот остался с бабушкой на кухне. Сначала он облизал длинным розовым язычком-ленточкой усы, потом лапки и умыл мордочку. Бабушка поглядывала на него и вздыхала: «Не было у бабы хлопот, так купила поросё». Потом, протерев вымытые тарелки насухо вафельным полотенцем, громко крикнула:

— А вы чего это без кота пошли? Забирайте, нечего мне его оставлять!

Кот, как по команде, вскочил и выбежал из кухни. А в это время Лида включила телевизор. На экране важный бородатый профессор обстоятельно и со знанием дела рассказывал о Египте: «Египтяне почитали кошек с незапамятных времён. Кошка в Египте и сейчас является животным, которого уважают и относят к категории посланных богами существ».

Лида в восторге захлопала в ладоши и закричала что было мочи:

— Ба!!! Иди к нам скорее! Тут про кошек рассказывают!

Котик замер на пороге, пронзительно мяукнул, прижался животом к полу и белой стрелой ринулся под кровать. Раздался ужасающий грохот бьющегося стекла, тяжёлый стук банок с заготовками на зиму, скрежет когтей по паркету.

— Ты куда полез, нечистая сила!— грозно закричала бабушка.

— Ой, мои закрутки! Огурчики! Помидорчики!— запричитала мама и выскочила из комнаты.

Вернулась она вооружённая шваброй, легла на пол и начала изгонять кота, как самого настоящего злого духа.

— Вон отсюда!— заклинала она, тыкая деревянной ручкой в темноту.

В ответ послышалось возмущённое фырканье.

— Марш оттуда!

Фырканье перешло в громкое шипение и разъярённое рычание.

Лида плюхнулась на живот рядом.

— Мапочка, так нельзя! Мы и так своими криками его напугали. Пожалуйста, убери швабру. Я сама его оттуда достану.

— Надо его выкурить оттуда,— с озабоченным видом бабушка полезла в шифоньер.— Где-то тут у меня пучочек шалфея был...

— Вы мне тут ещё пожара наделайте! Не надо, пусть уже сидит. К утру вылезет. У меня уже никаких сил нет.

Мама поднялась, отряхнула халатик и, расстроенная, села на диван.

Телевизионный многоопытный египтолог всё ещё продолжал расписывать сладкие плюсы кошачьей жизни, делиться ценной информацией: «В России этим животным тоже уделяется много внимания. В этом нет ничего удивительного: пушистики не только ловят мышей, но и благоприятно влияют на нервную систему».

Лида чувствовала угрызения совести за него-степриимство их семьи. Она залезла под кровать, чтобы получше разглядеть животное.

— Котик, миленький, это случайно так получилось. Мы же не на тебя кричали. Не бойся, иди ко мне. Я никому не дам тебя в обиду.

«Дух тьмы» забился в самый дальний угол и теперь сидел тихо-тихо. Его присутствие выдавали снопы зелёных светящихся искр, которые металы его глаза.

Добравшись ползком до кота, Лида сняла с его усиков паутину и погладила по голове.

Бабушка достала свою ежевечернюю коробочку с кагушками, напёрстками, ножницами, взяла из отложенной стопки белья наволочку и попросила Лиду вдеть нитку в иголку.

— О-хо-хо, живём как ошарашки, каждый вечер дранти штопаю. Очки старые, уже и в них не попаду в ушко, да и свет слабый. По-хорошему бы вкрутить в люстру все пять лампочек, то-то было бы светло, как днём. А при одной больше по пальцам тычешь...

— Бабушка, так давай все вкрутим. Что ж ты мучаешься?

— Ага, вкрутим— с нашими доходами... Электричество так нагорит, что не расплатимся, приставы придут, всё имущество опишут и квартиру отберут, а тебя в детдом определяют.

— Что значит— в детдом? У меня мама есть!

— И слава Богу, что есть! С моей пенсией мне и рубля тратить в день государство не разрешает. Если б не дети, как прожить на семнадцать рублей? Да и вам же одеться, обуться надо, тебе в школу

деньги то на одно, то на другое... За квартиру заплаги, за электроэнергию заплаги, а у вас вон телевизор не выключается, как будто там что-то путное показывают.

Бабушка говорила серьёзно, и от этого Лиде стало страшно и грустно.

— Да мы только новости и смотрим,— попыталась успокоить бабушку мама.— Сейчас программу «Время» поглядим и выключим.

Бабушка нахмурилась, но промолчала.

На синем фоне экрана появился белый часовой циферблат. Секундная стрелка проделала семь маленьких шажков, и послышалась знакомая музыка. Врачающая и светящаяся огнями спутниковая антенна доставила в каждый дом приветственные слова дикторов: «Добрый вечер, товарищи».

После информации об официальных приёмах главы государства настал черёд международных новостей. Сюжет был посвящён африканским странам, освободившимся от колониального гнёта,— Анголе и Мозамбику, которые избрали в качестве ориентира построение социалистического общества. На экране прошла картинка, где чернокожий раб с вздувшимися на шее и руках венами разрывает оковы. Голос за кадром воодушевлённо рассказывал о происходящих изменениях: «История борьбы ангольского народа за свободу подтвердила идейное и моральное превосходство пролетарского интернационализма. Советский Союз, революционная Куба, другие социалистические страны по-братски помогают молодым народным республикам в мирном строительстве...» — А говоря по-простому, везут они на Кубу пшеницу, а с Кубы везут обезьян... Тоня, а сколько у нас гречки осталось?— вдруг спросила бабушка. — Да пара килограммов, наверно,— удивилась мама.— А что?

— А мукички?— продолжила свою неожиданную ревизию бабушка.

— Тоже столько же.

— Ну, как-то протянем, на оладушки хватит, да, может, пару раз на сырнички.

— Да должно хватить, в пятницу уже получка, не волнуйтесь.

— Я б не волновалась, да теперь же нас прибавилось. Мышей у нас нет, а кот вон какой здоровый...

«В Африку отправились советские культурные и торговые миссии, а в Советский Союз— темнокожие студенты. Там, где была выжженная империалистическими аггрессорами земля, вырастут новые современные города, цветущие сады, будут открываться кинотеатры и библиотеки. Помогая Анголе, мы помогаем себе, мы строим новую Африку, новый мир...» В подтверждение слов комментатора операторская камера дала крупным планом толпу смеющихся длинноногих темнокожих девушек в коротких белоснежных платьях,

с блестящими серёжками в ушах и серебристыми браслетами на запястьях.

Бабушка ещё больше помрачнела и снова обратилась с вопросом к маме:

— А сколько ж лет ты своё ситцевое платишко носишь? Уже светится на плечах и локтях... И ей,— она кивнула в сторону Лиды,— ничего такого не купишь, в магазинах одни мешки висят с дыркой для головы...

«Первый Первомай в бывшем „африканском алмазе Португалии“, а ныне независимой Анголе...» На экране появились радостно марширующие под звуки «Интернационала» колонны: дети, машущие флажками, стройные женщины в ярких сарафанах, мужчины с портретами канонического триумvirата Маркс—Энгельс—Ленин... «Постепенно, но уверенно возрождается жизнь в Луанде...» Крепкие, модно одетые ангольцы щётками подметают улицы, а под раскидистыми пальмами секаторами стригут траву.

— Вот не с одних фиников они такие!— продолжала комментировать бабушка.— Небось, и мясо туда гоним вагонами. А тут и рыбы не на что купить.

Лидя крепче обняла своего друга и подбадривающе шепнула в розовое пушистое ухо:

— Не слушай, найдём. Я поделюсь!

А вслух сказала громко, стараясь быть убедительной и подражая дикторской интонации:

— Бабушка, у нас такая богатая страна, мы всему миру помогаем. И кота прокормим!

Было решено оставить нового жильца на ночь в коридоре и постелить в туалете газетку для его надобностей. Засыпая, Лидя перелистывала этот день, будто увлекательную книгу, заново. Ей было приятно снова переживать самые яркие впечатления. А потом она представила, как вместе с котом они будут делать уроки. Он свернётся пушистым клубочком рядышком на стуле и будет мурлыкать, а она будет делиться с ним секретами, сделает ему игрушку из пёрышек...

Где-то вдалеке пронзительно затрубили в горн, а потом прозвенел бодрый и звонкий детский голос: «Здравствуйте, ребята! Слушайте „Пионерскую зорьку“!»

Это бабушка на всю включила на кухне радио, уже без двадцати восемь, и пора вставать в школу, хотя очень хочется повернуться на другой бочок, уткнуться головой в подушку и хоть минуточку ещё поспать...

И тут Лидя вспомнила про кота. Остатки дрёмы мгновенно улетучились, и она вскочила с кровати. Майское утреннее солнце играло с хрусталём в серванте, и солнечные зайчики распрыгались по всей комнате. Бабушка стояла возле плиты и жарила на сковородке яичницу с колбасой, а кот сидел рядом, задрав мордочку вверх и приплюхиваясь.

— Доброе утро! Ой, как же хорошо! — потягиваясь, радостно воскликнула Лида и погладила своего котика по выгнувшейся спинке.

Побежала умылась и села завтракать, откусывая кусочки колбасы и протягивая коту, который переместился от бабушки к ней.

— Ешь сама, я ему уже давала, а то он лопнет, — пыталась пресекать внучкины вольности бабушка, не одобряя здоровый аппетит нового подопечного.

Под бабушкино ворчание, информацию о достижениях в науке и технике, успехах советских школьников Лида уплела всё до крошки, тем более что к чаю были её любимые печенюшки с маслом, которые коту тоже понравились.

— Бабушка, завяжи мне сегодня белые бантики. Нам сказали, что сегодня в школе праздник последнего звонка! — попросила Лида, надевая коричневое школьное платье, белый кружевной фартук, белые гольфы и белые туфельки. — А ты, котик, жди меня, я приду и расскажу тебе всё, что будет интересного!

Лида аккуратно надела ранец, чтобы не помять ляжками воланы на выглаженном фартуке, в котором она была похожа на весёлую бабочку-капустницу, и вприпрыжку побежала в школу.

Ещё издали она услышала громкую музыку, которая доносилась со школьного двора:

Школьные годы чудесные,
С дружбою, с книгою, с песнею,
Как они быстро летят!
Их не воротить назад.

Перед школой на линейку собрались все классы. Лиде помахали рукой одноклассницы, она тоже помахала в ответ, подбежала и встала в ряд. Все были такие же нарядные. Учительница — в новом платье, с праздничной высокой причёской, розовая от волнения.

Рядом волновались и гомонили будущие первоклашки с многоцветными букетами. В прошлом году, а кажется, совсем недавно, и Лида с мамой тоже стояли здесь, и она была такой же растерянной и даже испуганной, что почти ничего не запомнила. Зато сейчас она с удовольствием следила за всем происходящим. Когда закончились песни, к микрофону подошли два старшеклассника — юноша и девушка, а за ними — директор школы и пожилой седой дядечка в военном кителе. Вся грудь у него была в медалях. Они блестяли на солнце и, наверное, тихонько позвякивали. Лида пожалела, что стояла далеко и ей не было этого слышно.

Держа в руках красные папки, ведущие открыли линейку какими-то праздничными стихами, а затем передали слово ветерану. Он откашлялся, выпрямил спину, по-генеральски оглядел построившихся в каре, будто принимая парад или готовя их к бою.

— Здравия желаю, товарищи ученики! Равняйся! Смирно! — скомандовал он вдруг.

Все засуетились, подтянулись и замерли. Потом он рассказывал, как таким же семнадцатилетним мальчишкой ушёл на фронт и воевал с фашистами. Самое трудное было то, что никто не знал, когда эта страшная и тяжёлая война закончится. Но они выстояли и победили. Потом ветеран пожелал всем крепости духа, хорошо учиться, а выпускникам так же любить, беречь и защищать нашу советскую Родину, как это самоотверженно и бескорыстно делало его поколение.

Когда он закончил, все захлопали. Со всех сторон к нему побежали дети с цветами. Ветеран улыбался и благодарил.

Потом слово взяла директор. Она повернулась лицом прямо к их классу и поздравила с первыми летними каникулами. А потом обратилась к десятиклассникам:

— Этот последний звонок провожает вас во взрослую жизнь. Удачи на экзаменах и в выборе трудовой биографии! Вы — молодые строители коммунизма, и перед вами открыты все пути!

Подготовишки подбежали к выпускникам и подарили им свои цветы. Высокий и сильный десятиклассник в костюме с галстуком поднял самую маленькую девочку на плечо, и она, крепко держа в руке большой колокольчик, старательно трезвонила изо всех сил. Вместе они совершили круг почёта по периметру школьного двора. Девочки-старшеклассницы, выросшие из коротких платьиц, вытирали платочками слёзы.

Лида не понимала их слёз. Она в мыслях уже бежала домой к бабушке и коту. «Как же его назвать? — думала она. — Он не какой-нибудь Мурзик-Барсик, Снежок-Пушок, нет! Может быть, там, где он жил раньше, его как-то и называли, но теперь у него будет новое имя и новая жизнь».

Когда она уже открывала ключом дверь в квартиру, её озарила замечательная мысль. Как же она раньше не додумалась? Это ведь так правильно и просто!

— Бабушка, я пришла! А котика мы назовём Май! Правда, здорово?

Из кухни появилась бабушка, вытирая мокрые руки о ситцевый кухонный фартук.

— А котик не дождался и убежал.

— Куда? Как это убежал??

Лида почувствовала, как будто на неё стеклянный колпак надели, под которым совсем нет воздуха.

— Я выходила за хлебом, открыла дверь, а он и прошмыгнул.

— Чего ему прошмыгивать?! Это ты, наверное, его нарочно выпустила?!

— Да что ж мне его — за хвост ловить? Захотел, вот и убежал. Не переживай ты так, у него ещё и лишай на ухе был...

— Так его же летить надо! Он же пропадёт один! — Не пропадёт. Все кошки травками летают. Они знают, какую нужно съесть, а в какой поваляться. Хватит уже про этого кота толковать. Пойдём кушать.

— Не буду я кушать, пока он там голодный, несчастный, больной бегаёт. Я пойду его искать.

Лида бросила ранец на тумбочку, снова надела на шею шнурочек с ключом и хлопнула дверь.

Первым делом она побежала к подвалу. Входная дверь теперь была закрыта на винтовой замок. Лида обошла весь дом и заглянула в каждое маленькое окошко. Присев на корточки, она звала и вслушивалась в каждый шорох. Долго вглядывалась в темноту: не мелькнёт ли, хоть краешком, белый пушистый хвостик, но сверкнут ли изумрудным светом его прекрасные глаза?

Но кота нигде не было. Лида вздохнула и смело направилась к стройке. Прошла в открытые ворота и поискала взглядом, к кому тут можно обратиться. Наверху работал кран. Его большая железная рука перетаскивала поддоны с кирпичами на растущие этажи.

Вдруг, откуда ни возьмись, перед ней появился высокий усатый мужчина в синем комбинезоне и жёлтой каске. Вскоре ещё несколько человек вышло из вагончика и подошло к ним.

Лида обрадовалась, что можно порасспрашивать о котике побольше людей.

— Девочка, ты чего тут делаешь? Сюда нельзя заходить! Читать умеешь? Видишь, что написано? — он показал пальцем на жёлтую табличку с большими красными буквами: «ВНИМАНИЕ! ОПАСНАЯ ЗОНА. ВЕДУТСЯ СТРОИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ».

— А как же вы тут работаете и не боитесь?

Работяги обступили её, улыбаясь и с любопытством разглядывая, как какую-то мелкую забавную зверушку.

— У меня, видишь, каска есть.

— В труде рождаются герои, — гоготнул другой, низенький, с голым торсом, в брезентовых штанах, с огрубевшими здоровыми руками, похожими на клешни краба.

— Так, что вы тут филоните? Что за собрание? — сурово врезался в толпу прораб Семёныч. — Чей это ребёнок?

Мужики обрадовались новому поводу подурить и позубоскалить. Они начали толкать друг друга, высказывать предположения о том, на кого больше похожа Лида.

— А вы здесь начальником работаете? — перешла к делу Лида.

— Самым главным, — добродушно улыбнулся Семёныч. — Рассказывай, зачем пришла.

— Котик у меня потерялся. Я уже везде его искала! Может быть, вы видели? Беленький, с большими зелёными глазками. Вы вчера говорили, что брови у него как у Брежнева...

— Тю-тю котик! Обменяли хулигана на Луиса Корвалана! — заржал рядом блёклый и тощий, как магазинная селёдка, тип с золотым зубом.

Семёныч двинул его локтем в бок:

— Ты давай кончай, при ребёнке не выражайся!

— А я и не собирался! Кыс-кыс-кыс!!! — дурным голосом заорал он.

— Ты где живёшь, девочка?

Лида показала на свой дом:

— В первом подъезде на втором этаже.

— Помню я твоего котана. Замётано. Иди домой, а мы, если увидим его здесь, изловим и принесём.

Лида кивнула, повернулась и побрела домой. Горло сдавливало и жгло, но она не могла плакать. Пришла, разделась, легла под одеяло и отвернулась к стенке. Бабушка пыталась её расспросить, но Лида крепко зажмурила глаза и притворилась спящей.

На следующее утро идти в школу было не нужно, и когда раздался сигнал «Пионерской зорьки», Лида не стала вскакивать. «Дудите, хоть лопните», — думала она сердито. В комнату заглянула бабушка и бравадно пропела:

— Вставай, поднимайся, рабочий народ! Иди на врага, люд голодный!

Раньше Лиду смешило, когда бабушка будила её «Марсельзой», а сегодня она молча встала и поплелась в ванную. За завтраком вяло поковыряла ложкой овсянку и отодвинула тарелку в сторону. — Ты не заболела? — забеспокоилась бабушка. — Что-то ты ничего не ешь.

— Не хочется. Бабуль, а что такое корвалан?

— Не корвалан, а корвалол, — поправила бабушка. — Это лекарство такое успокоительное для нервов. А что?

— Мне бы сейчас корвалолу принять. А то совсем нервы расстроились...

— Веника по попе тебе надо! — рассердилась бабушка. — Вот тебе двадцать пять копеек, иди купи хлеба и булочку! И не обгрызай по дороге, а то, если, не дай Бог, кто придёт, подумают, что мыши у нас!

Ещё с весны Лида ждала летних каникул. Она мечтала вдоволь накататься на велосипеде, порисовать новыми красками, играть в мяч с подружками, ходить в бассейн.

А получилось так, что целыми днями она сидела дома и не могла ничем заняться. Слонялась по квартире без цели, останавливалась возле окна и, прижавшись лбом к стеклу, долго смотрела вдаль, не отменяя ничего, без всяких мыслей. Если давали какое-то поручение, делала механически, как заводная кукла, не вникая и забывая сразу же. Пыталась читать, но не могла сосредоточиться. Спать тоже не получалось. Иногда бабушка выпроваживала её на улицу «подышать воздухом». Лида послушно выходила, дышала, обходила дом вокруг, поглядывая на подвальные окошки, возвращалась и снова маялась и томилась.

Она даговывалась, чувствовала, что бабушка была с мамой в сговоре. И утром они специально открыли пошире дверь, и безымянный майский котик убежал подальше от цивилизации, в некомфортные, но привычные ему пампасы и прерии.

Они открыли дверь, и вслед за котом устремилась Лида душа, полная заботы и нежности, в поисках слабых и маленьких, которых нужно опекать и выхаживать, кормить и любить, словно братишек и сестричек. А теперь она сидит, и внутри у неё пусто, а на сердце тяжело.

Через неделю у неё на плече появилось розовое пятно с красноватым ободком и шелушащимися чешуйками внутри. Оно было небольшое и немного чесалось, но бабушка, как только его увидела, ахнула:

— Таки лишай, чтоб его!

Мама не на шутку переполошилась, схватила Лиду в охапку и собралась вести в кожвендиспансер, но бабушка удержала их.

— С такой ерундой могут и в больницу положить. В школе узнают—будут сторониться. Ты, Тоня, прямо сейчас иди в гастроном за водкой, а потом съезди в магазин «Пчёлка» за настойкой прополиса. Сами вылечим. На живом всё заживёт!

Когда спецзаказ был доставлен, бабушка смешала йод пополам с водкой и помазала пятнышко. Через несколько часов натёрла его пчелиной настойкой. Вечером всё повторилось снова.

Оба выходных мама мыла с хлоркой полы, протирала едкими растворами стены и подоконники. Все Лидины вещи перестирала и прокипятила в эмалированном ведре, высушила и прогладила горячим утюгом. Кошачью мисочку, которую Лида спрятала у себя под кроватью, нашли и выбросили.

Лида не капризничала, не просила подуть, смиренно сидела, терпела и думала про себя, чтобы как можно дольше лишай не проходил.

Изредка в её глазах вспыхивали маленькие искорки надежды. И тогда она думала: вот бы найти этого белого котика и тоже вылечить, мазать йодом его розовые ушки и тихонечко говорить, что всё пройдёт, до свадьбы заживёт...

Лишай постепенно исчез, но невидимая дырочка в сердце побаливала и продолжала чесаться. И в этот маленький проём незаметно проникло множество маленьких быстрых лапок, чтобы с течением времени оставить свои следы, царапки и ранки на сердце.

А пока Лида грустила, смотрела на бледнеющее пятно, тихонько гладила его пальцами, вздыхала.

Бабушка тоже вздыхала и как-то вечером, за своим привычным шитьём, будто продолжая начатый разговор или отвечая своим мыслям, не выдержала и повернулась к Лиде:

— Да заводи ты хоть крокодила! Лишь бы в нашу ванну поместился!

Лида с облегчением сбросила тяжёлый ранец на тумбочку в прихожей, на ходу уперевшись носком в пятку, сняла туфельки, в ванной на всю открыла воду, не замечая её колючего холода, сполоснула руки и заскочила на кухню.

— Бабуль, давай быстренько пообедаем, а то скоро сказка начнётся!

— Залетела, как вихрь, сказка... тапочки надень!

Быстренько обувшись и вернувшись за стол, Лида склонилась над тарелкой, как гонщик. Она ещё хлебала суп, а мысленно уже включала первую программу на их чёрно-белом «Рекорде», стоявшем на высоких ножках за стенкой в комнате.

По-стахановски управившись с обедом, чмокнула бабушку в щёку, крикнула:

— Спасибо!—и уже через минуту устраивалась поудобнее в любимом уголке дивана напротив экрана телевизора.

С первых нот звучащей серебристыми каплями мелодии у Лиды сладко замерло сердце.

Если вы не так уж боитесь Кошечки Или Бармалея и Бабу Ягу, Приходите в гости к нам поскорее, Там, где зелёный дуб на берегу.

На заставке сиял и переливался волшебный цветок, и Лиде казалось, он цветёт и распускается под чарующую музыку у неё внутри, заполняя теплом и радостью.

Вот на экране появилась любимая ведущая Валентина Леонтьева, которую вся детвора Советского Союза называет тётёй Валей. Лицо у неё доброе, голос такой мягкий и ласковый, и Лида уверена, что она обращается именно к ней и её семье: «Здравствуйте, дорогие ребята и уважаемые товарищи взрослые».

Лида просто обожала «В гостях у сказки». Благодаря этой передаче она посмотрела и полюбила навсегда столько поразивших её воображение и покоривших её сердце фильмов: «Конёк-горбунок», «Садко», «Каменный цветок», «Варвара-краса, длинная коса», «Королевство кривых зеркал»... Поэтому с особым трепетом ожидала, что же покажут сегодня.

Тётя Валя начала с рассказа об Александре Сергеевиче Пушкине и его няне и вдохновительнице Арине Родионовне. Бесчисленное количество народных песен, поговорок и пословиц, «преданий старины глубокой», которые она сказывала и пела великому поэту, превращалось потом в его знаменитые и любимые читателями произведения.

«Вот представьте, ребята,—улыбнувшись, продолжала тётя Валя,—простая деревенская светлица, за окном поздний вечер, в красном углу под образами стол, покрытый домотканой скатертью, на столе уютно пыхтит-поёт самовар, а за столом сидят юный Саша Пушкин и его „мамушка“. Как

вьётся сизый причудливый дымок над самоваром, так слово за словом течёт, сказывается сказка: „Вот что чудо: у моря-лукомория стоит дуб, а на том дубу золотые цепи, и по тем цепям ходит кот: вверх идёт—сказки сказывает, вниз идёт—песни поёт...“ Узнали, какая поэма начинается с чудесного лукоморья? Конечно же, это пролог к поэме „Руслан и Людмила“, фильм по которой снял режиссёр Александр Птушко, и сейчас вы его увидите, дорогие наши телезрители!»

После титров и героически-раздольной музыки из сумрака времени появляется книга с профилем великого поэта, перелистываются пожелтевшие страницы, и торжественно звучит пушкинская строка: «Дела давно минувших дней, преданья старины глубокой...» И вот уже послышались конское ржание и топот хищно скачущей на Русь пёстрой и дикой орды степняков, оцетинившихся копьями и стрелами. Затем—узколищье и темнолицые воители, падающие ниц и бьющие поклоны в мольбе о жизни. И над ними, на фоне чёрных клубящихся туч, благородное, открытое лицо Руслана, он весь озарён светом, доспехи сверкают, белый конь под ним чутко прядает ушами, за ним—грозная верная дружина, победно рдеют знамёна с золотым солнышком. «Я отпущу вас, печенег, но помните наш уговор...» На Лиду повеяло духом русской старины, и её полностью захватила романтическая и таинственная атмосфера сказки.

Когда закончилась первая серия, Лида даже не стала смотреть традиционное завершение передачи—выставку детских рисунков и поделок, чтобы не нарушить и не спугнуть потрясающее впечатление от фильма. Она была в восторге, и всю неделю её не покидало ощущение волшебства, сердце сладко томилось в ожидании второй серии. Всю неделю она думала о том, как будет смотреть продолжение, о новых приключениях и испытаниях, выпавших на долю героев. Она ждала, когда снова распахнётся дверь в удивительный, чарующий мир—как в другое измерение, где торжествуют любовь и добро, и она войдёт и...

Час пролетел как один миг. Так же, как и в начале фильма, красивый низкий голос завершил повествование: «Дела давно минувших дней, преданья старины глубокой». Перевернута последняя счастливая страница поэмы, закрыт пушкинский томик с золотым тиснением. Тётя Валя приглашает телезрителей через неделю на новую сказку. А Лида сидит и не может опомниться.

Проходили дни, а перед внутренним взором продолжали являться фантастические и красочные картины, которые разворачивались и сменяли друг друга. Лида жила в обыкновенной и привычной маленькой комнатке с потёртым плюшевым ковриком над кроватью, на котором резвились

утренние мишки, и одновременно среди туманных полей и долин, коварных волшебников и храбрых героев, пируя вместе с весёлыми гостями в княжеских палатах и жадно впитывая ароматы пенных мёдов и звуки звонких гуслей.

Ей хотелось говорить об этом фильме, обсуждать его с одноклассниками, подружками и мальчишками во дворе. Он понравился абсолютно всем. Девчонки восхищались богатством княжеского убранства и нарядами Людмилы, секретничали и грезили о доблестных витязях, смеялись и фантазировали, что бы они сделали, будь у них шапка-невидимка; а пацаны с видом знатоков разбирали бой Руслана с Головой, битву с печенегами и какие подвиги совершили, если бы у них был меч-кладенец.

Но Лиду же больше всего восхитил эпизод, о котором почему-то никто не вспоминал,—воскрешение убитого витязя. Когда старый колдун Финн, получив от горлицы весть, что Руслан погиб от руки Фарлафа, набирает в два сосуда из волшебных ключей воду и спешит к нему на помощь: «Водю мёртвой и живую кроплю тебя, чтоб, полный сил, ты ожил, встретился с княжной и вражьих силы разгромил».

Лида снова и снова пересматривала в памяти эту сцену. А поскольку это было так живо и ярко, она безоговорочно верила видению. И у неё появилась мечта.

Их встреча случилась возле гастронома, куда они с бабушкой пришли за продуктами.

Он лежал посреди своих ярко-красных собратьев в большой плетёной корзине, стоявшей на земле, и его чёрные глаза-бусинки были безутешно грустными. Лида почувствовала это всем своим маленьким сердцем и спросила бабушку, почему он такой красивый и печальный.

— Так рака смерть красит. Он бы лучше буренкиным остался, да живым.

И поэтому, глядя на горькую участь этого несчастного, Лида сразу вспомнила про ключи с мёртвой и живой водой и ожившего, бодрого, полного новых сил Руслана...

И во что бы то ни стало решила попытаться. — Бабушка, купи мне его, пожалуйста.

Он стоил рубль. Это было безнадежно дорого. Три бутылки молока и буханка хлеба. Или целых двадцать румяных пончиков с повидлом, посыпанных сахарной пудрой, которые продавались на рынке, о которых Лида сладко грезила во сне и наяву. Бабушка всплеснула руками:

— А больше ты ничего не придумала?

Лида быстро вырвала свою руку из бабушкиной, схватила грустного рака и крепко прижала к груди. — Ты что ж творишь? А ну положи на место!— хором закричали продавец и бабушка.

— Не отдам.

И отбежала не слишком далеко, но так, чтобы сразу не поймали.

— Ну, ты сейчас хвостины получишь! — бабушка сломила с ближайшего куста ветку и решительно двинулась к Лиде.

— Бабуль, ты её дома воспитывать будешь, а плакать Пушкин будет?

— И где ты взялся на мою голову, спекулянт проклятый?!

— Обижаете. Какой я спекулянт? Я этими вот своими руками их ловил! А его в норе пока нащупаешь, вытянешь, он так и норовит клешней цапнуть! Смотри, трудовые, кусаные-перекусаные!

Сердито ругаясь и бросая грозные взгляды на внучку, бабушка полезла под фартук, в карман цветастой ситцевой юбки, за кошелем. А Лида галопом понеслась домой. Возле подъезда остановилась, заняла выжидательную позицию возле лавочки. И когда появилась бабушка, встала за спинку так, чтобы она не смогла её достать. Бабушка усмехнулась и бросила хворостинку.

— Да уж пойдём домой, совесть цыганская. Как из голодного края, будто я тебя не кормлю...

Лида знала, что бабушка никогда не обманывала её, ей стало немного стыдно, но нетерпение было сильнее. Она покаянно опустила глаза, подбежала к бабушке, потёрлась о её руку щекой и шустро нырнула в подъезд.

Дома забралась на кровать, положила свою добычу на подушку и с интересом стала её обследовать. Панцирь рака был твёрдым и пупырчатым, как броня, и пах укропом. На острой продолговатой голове на тоненьких стебельках крепились потухшие матовые глазки, по сторонам завивались длинные усики. Лида осторожно потрогала крепкие клешни с зубринами и перевернула рака на спину. По бокам от брюшка располагались шесть пар мелких ножек. Хвостик с тоненькими плавничками и прозрачными ворсинками был поджат. Она попробовала его разогнуть, но он, как пружинка, опять свернулся в колечко.

Бабушка одобрительно кивнула:

— Хороший рак, правильно сваренный. Кушать его нужно так...

— Нет! — протестующее прервала её Лида и спрятала его под подушку.

— Что значит — нет?

— Потом. Я капельку полежу. Я так устала!

И она положила голову на подушку, закрыла глаза и стала думать про воду.

Как-то мама говорила, что если долго кипятить в чайнике воду, то она становится мёртвой. С этим понятно. А вот где взять живую? Лида перебирала в памяти всё, что ей было известно про воду, но ответа не находила. Незаметно она уснула.

Проснулась оттого, что почувствовала лёгкое прикосновение маминых рук.

— Малышка, что же ты прямо в платьице и гольфах уснула? Нужно переодеться.

В комнате уютно-оранжево горел ночник. Было тепло, ласково улыбалась мама, а за окном мерно шелестел дождь. И вдруг яркая догадка радостно озарила Лиду. Вот же она! Настоящая живая вода! Нужно только набрать её! И она спрыгнула с постели, побежала на кухню. Быстренько достала из шкафчика самую большую чашку, распахнула окно и, вытянув руку, подставила ёмкость под дождевые струи.

Сзади появились встревоженные мама и бабушка.

— Лидочка, что ты делаешь?

— Мне надо срочно набрать, пока дождь не кончился!

— Зачем? Закрой окно, ты простудишься!

— Сейчас-сейчас! Это вопрос жизни и смерти! Не мешайте!

Мама заморгала и растерянно повернулась за поддержкой к бабушке.

Та, зевнув и перекрестив рот, начала распекать обеих:

— Лучше б ты её не трогала! Спит ребёнок и пусть спит — нет же, разбуркала! А ей если чего в голову втемяшится, колом оттуда не выбьешь! Вот до чего дожились: «Не мешайте!» Ни днём, ни ночью от вас покоя нет, о-хо-хо... А ну быстро марш отсюда! И без разговоров! — грозно подступила она к окну.

Не дожидаясь продолжения, Лида захлопнула окно, повернула шпингалет и понесла драгоценную добычу в комнату.

— Не вздумай пить! Давай я тебе лучше молочка подогрею, — не могла успокоиться мама.

— Да, только не молока, а кипячёной воды горяченькой, пожалуйста, — попросила Лида, бросая быстрые взгляды по сторонам и прикидывая, куда спрятать чашку с драгоценной живой водой.

Когда мама вышла, она на цыпочках подошла к серванту, осторожно отодвинула стеклянную дверку и поставила чашку в уголке за праздничным сервизом с яркими золотыми розами и хрустальной вазочкой.

Лида лежала в кровати с закрытыми глазами, чуть прислушиваясь к дыханию мамы и бабушки, ждала, когда они крепче уснут, чтобы начать ритуал. Когда бабушка стала негромко похрапывать, Лида сунула руку под подушку, аккуратно вытащила своего подопечного, взяла чашку с мёртвой кипячёной водой и, осторожно ступая босыми ногами, подошла к окну.

Положив рака на подоконник, ещё раз внимательно осмотрела его, опустила пальцы в чашку, а потом быстро вытащила и три раза брызнула на него водой. В этот миг из-за летящих тёмных облаков показался лунный диск. Холодный и чистый свет упал на подоконник — «и раны засияли вмиг»:

на красном панцире как будто стали показываться зеленовато-бурые тени. Лиде было и жутко, и радостно, всё шло как надо.

Решив, что окончательно оживлять и брызгать живой водой нужно при солнечном свете, она отправилась в постель, предусмотрительно положив рака под голову и накрыв подушкой.

Как только рассветно-алое золото разлилось в бледном утреннем небе, Лида бодро вскочила, достала из серванта чашку с живой водой и, подражая вешему старцу, торжественно начала заклинание:

— Водю мёртвой и живую кроплю тебя, чтоб, полный сил, ты ожил... — и загнулась.

Говорить про княжну и вражью силу раку было странно, менять магическое заклинание боязно, поэтому, поколебавшись, она закончила:

— И цел и невредим вернулся бы домой!

В комнату зашла улыбающаяся бабушка.

— Ранняя моя пташечка, я думала будить, а она уже щебечет!

С трепещущим сердцем Лида сунула мокрого рака в привычный тайник.

— С добрым утром, бабушка! Будить не надо, я собираюсь.

Проводив внучку в школу, бабушка решила сварить к обеду красный борщ с молодой капустой, который был любим всеми в их семье. Кинулась в холодильник, а свёклы нет. А какой же борщ без неё? Пришлось идти в магазин. Пока всё порезала, да обжарила, да проследила, пока сварится, времени как не бывало. Солнце перевалило за полдень. Натоптавшись на кухне и настоявшись у плиты, она устала. Решив передохнуть, бабушка зашла в комнату и присела на диван.

И тут же почувствовала странный и неприятный запах. Она не могла понять, откуда он шёл. У них и раньше, бывало, частенько приносило вонь то с мясокомбината, то с завода лимонной кислоты, то с очистных сооружений или силосных ям, которые находились за городом. Поэтому она поспешно подошла к окну и закрыла форточку. Но зловоние не проходило, а даже усиливалось.

Бабушка переполошилась не на шутку, в панике она подхватила и прошлась по комнате, напряжённо вытянув шею и втягивая носом воздух. Возле Лидиной кровати она в ужасе остановилась. Откинула одеяло, а следом и подушку...

— Да что же это за ребёнок такой!!! — во весь голос вскричала она, схватив протухшего рака, от которого шёл тяжёлый и отвратительный запах разложения.

Завернув его в газету, бабушка не стала даже выбрасывать его в мусорное ведро, иначе он завонял

бы всю квартиру. Открыв везде окна, она вышла во двор и отнесла его на помойку.

Когда вернулась, с облегчением отметила, что уже почти всё выветрилось, нужно только поменять Лидину постель. С простынями, пододеяльниками и наволочками бабушка промаялась ещё полчаса. «Отдохнула, называется! А сейчас придёт из школы, и вторая смена начнётся! Ладно, пусть поест, а после поговорим», — сокрушённо качая головой, успокаивала сама себя.

— Бабулечка, я сегодня две пятёрки получила, — раздался звонкий голосок из прихожей.

— Молодец. Мой ручки, и будем обедать.

— А что у нас есть? — Лида подняла крышку и заглянула в кастрюлю. — Ура! Я так люблю твои борщики! Сейчас, бабушка, я на минуточку...

Лида держала в руках подушку, смотрела на чистую простыню и чуть не плакала. Она потряхнула пододеяльник, заглянула под кровать, обследовала все углы. Рак исчез. Медленно и понуро Лида вернулась на кухню, села на табуретку и потухшим голосом спросила:

— Ба, ты не знаешь, куда делся рак?

Бабушка, внимательно глядя на внучку и пораженная этой перемене, даже не решилась ругаться. Вместо этого буркнула:

— Делать мне нечего, как за твоим раком смотреть.

Лида с надеждой заглянула ей в глаза:

— Ты правда не брала?

— Да говорю ж тебе: когда мне за ним следить? Я не присела ни минуты!

Лидино лицо просветлело, и она робко предположила:

— Может, он уполз?

— Ну, не знаю, может, и уполз, вон сколько у нас дырочек в полу...

— А куда?

Дивясь на внучку и чувствуя, как в груди защемило от нежности, стараясь не выдать своих чувств, бабушка ровным и спокойным голосом предположила:

— Может, сидит у соседей, — и, спохватившись, предвидя перенос поисков и туда, продолжила: — А может быть, выбрался на волю, дополз до прудика и живёт в своей норке.

С аппетитом пообедав, Лида села сразу за домашние задания. К приходу с работы мамы всё было сделано и выучено на зубок. Старательно сложив в ранец учебники и тетрадки на завтра, Лида взяла с полки с книжку и, удобно усевшись в кругу мягкого приглушённого света от стоявшего в углу торшера, принялась читать.

Подождав, пока все освободятся от вечерних дел и забот, довольная и счастливая, предложила: — Бабушка! Мама! Давайте не будем сегодня телек включать! Я вам Пушкина вслух почитаю! Слушайте: